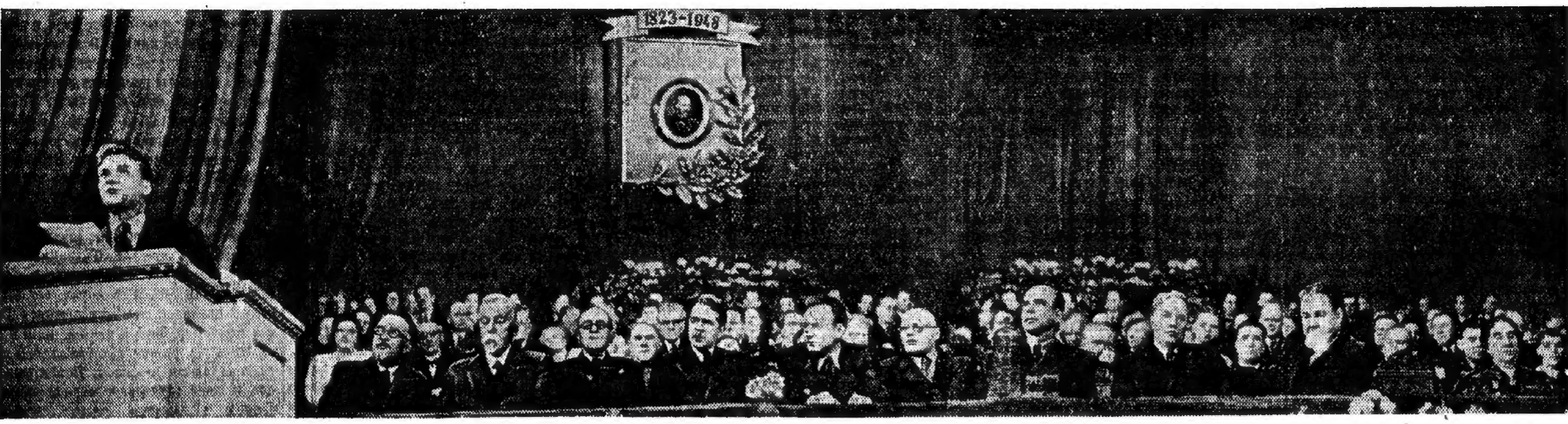
Вся советская страна торжественно отметила 125-летие со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 30 (2413) | Среда, 14 апреля 1948 г. | Цена 40 коп.

Президиум юбилейного заседания в Малом театре. На трибуне — Н. Ф. Погодин.

Фото Е. ТИХАНОВА.

СЛАВА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Доклад Н. Ф. Погодина на торжественном заседании в Малом театре 12 апреля 1948 года

125-летняя годовщина со дня рождения Александра Николаевича Островского совпадает, правда, не вполне точно, по календарю, со столетием появления на Руси своего великого национального драматического поэта.

Ему было 24 года, когда он явился в кружок профессора Московского университета Погодина в феврале 1847 г. со своей сатирической комедией «Свои люди сочтемся», или «Банкрот», как она называлась тогда. «Он начал необыкновенно», — говорил потом Тургенев, и слава о новом, замечательном, огромном таланте постепенно проникла из узких литературных кругов в более широкие слои общества, — уже точно по календарю 100 лет тому назад.

Передовые люди того времени ставили Островского рядом с Фонвизиным, Грибоедовым и Гоголем. Они предвидели в молодом таланте рождение новой русской театральной литературы.

Но талант это был особенный, даже неслыханный по своему направлению, смущающий умы. Литераторы того времени, слушавшие первую пьесу Островского, — в их числе был Гоголь, — поразительно точно оценили и предугадали чисто литературное дарование писателя — его самобытный русский, великолепный талант. А вот о том, какие надежды следует возлагать на Островского, говорилось смутно и неопределенно.

Свой национальный театр, своя драматическая литература... Но что это такое в живом воплощении искусства? Островский решил этот громадный вопрос на долгие времена, и мы сегодня, через столетие, протекшее со времени знаменательного появления в России молодого таланта, испытываем могучее влияние его немеркнущих творений.

Примечателен еще и тот факт, что первую пьесу читали перед своими слушателями сам автор и Пров Садовский. Тогда и началась личная дружба Садовских с великим драматургом, общность их идей и взглядов. Прошло около двадцати лет трудной жизни драматурга, и Садовский младший пишет Александру Николаевичу:

«Но что же делать, когда у меня не существует на свете никого, кроме Вас?»

То же самое говорила Стрепетова, то же самое утверждали многие актеры Малого театра, которые обращались к Островскому за советами по работе, за помощью и прямым заступничеством против интриг и гонений театральной администрации. Никто до Островского так страстно и самозабвенно не входил в жизнь театра; и это, конечно, происходило оттого, что Островский не отделял драматургию от театра и всю жизнь свою посвятил непрестанной, последовательной, удивительно целеустремленной борьбе за наш настоящий русский театр, за его широкую народность, за его реалистическое направление.

Он один в то время имел право сказать:

«Другие искусства имеют школы, академии, высокое покровительство, меценатов; для драматического искусства покровительственным учреждением должен бы быть императорский театр, но он своего назначения давно не исполняет, и у русского драматического театра один только я. Я — всё: и академия, и меценат, и защита. Кроме того, по моим врожденным способностям я стал во главе сценического искусства».

Это была истинная правда. Театральная деятельность Островского достойна быть названной патриотическим подвигом. Да, Островский был академией русского театра и, прежде всего, — Малого театра, академией, признанной высшим судом и авторитетом. За 39 лет своей драматической деятельности он был душой и школой, целым направлением для лучших артистов Малого театра.

Обширная литература об Островском охотней всего останавливается на тяжелых и горьких страницах его жизни. Островский доходил до трагических решений: бросить вовсе, целиком свою сценическую деятельность. Уже один этот факт дает повод к установившемуся неправильному мнению о том, что Островский при жизни не был признан, не был понят.

«В этом (1862) году, — замечает один из современников Островского, — было особенно какое-то гонение на Островского». Малый театр дал лишь десять спектаклей с его пьесами. Предпочитали других авторов.

Но откуда шло это гонение, доводившее до отчаяния писателя? Что же, артисты или зрители отворачивались от его пьес или было что-то другое?

— Сермяга! — вот что говорил о произведениях Островского управляющий императорскими театрами Всеволожский, который лавировал между мнениями придворных кругов и мнением общественным, считавшим Островского патриархом русской сцены. «Сермяга»! Может быть, это и подходящий костюм для известного слоя населения, но на императорской сцене не должно пахнуть козлом» (цитирую по воспоминаниям Невежина).

«Гроза», составившая эпоху в истории драмы, как правило, при жизни Островского давалась на сцене Малого театра по разу в год, несмотря на битковые сборы. И потом ту же «Грозу» в Петербурге на императорской сцене поставили с пяти репетиций в старых декорациях, а для четвертого акта вместо старинной галлереи со сводами поставили декорации тюрьмы. Но зато на пьесу Аверкиева «Смерть Мессалины» истратили 4.000 рублей. Островский предрекал этой пьесе четыре представления, но ошибся. «Смерть Мессалины» выдержала шесть спектаклей и канула в лету.

«Каково положение! — писал тогда Островский своему петербургскому другу актеру Бурдину в связи с неурядицами постановки «Дмитрия Самозванца». — Две столицы, и ни в одной из них нельзя поставить русскую историческую или патриотическую пьесу за недостатком костюмов и декораций! В русских казенных театрах русских костюмов нет! Зато Аверкиеву для пьесы «Смерть Мессалины» разрешен расход в 4.000 рублей».

Подобные тягостные примеры из жизни Островского можно долго приумножать. Но я остановлюсь только на истории постановки в Малом театре пьесы «Без вины виноватые». Каждый театральный ученик знает, что эта пьеса на премьере успеха не имела. Вот и все. Но что, по существу, не имело успеха — пьеса или спектакль? И у кого не имело успеха — у зрителя или у театрального начальства? Островский сам свидетельствует об этом так:

«Пьеса была поставлена очень небрежно, репетировалась мало. Режиссерская постановка рутинная, неумелая. Декорации все старые». Опять для пьесы Островского нет ни времени, ни денег. Мы знаем, что «Без вины виноватые» были сняты с репертуара, и на основании этих внешних официальных сведений создается ошибочное мнение о неуспехе пьесы.

Но Островский, оказывается, сам предсказывал судьбу своего произведения, говорил, что пьесу опорочат и снимут. Вот что он писал по этому случаю:

«... в театре (т. е. в дирекции его) — мерзость невообразимая, публика негодует, артисты чуть не плачут. Как я предсказывал, так и вышло: моя пьеса «Без вины виноватые» снята с репертуара... Пьеса имела громадный успех, большинство публики ее не видало; я приезжаю из деревни и узнаю, что публика требует мою пьесу, что артисты несколько раз просили поставить ее на репертуар, и она все-таки не ставится. Ко мне являются совсем незнакомые люди и спрашивают: когда пойдет моя пьеса; я отвечать ничего не могу, потому что ничего не знаю...»

Артисты чуть не плачут... Это писал не обласканный театром юноша, а шестидесятилетний человек, чуждый афишированию; он был давно признан и любим в артистическом кругу, как замечательный художник и высший авторитет сцены, у него учились великий Мартынов, Садовский, Васильев, Шумский, Самарин, Стрепетова, Федотова, Никулина, Ермолова.

Сам Михайло Щепкин, незадолго до своей смерти, в Нижнем на гастролях сыграл роль Любима Торцова и на литературном утре, со слезами на глазах, обнял и расцеловал Островского, преклонившись перед ним.

На долю Островского выпало великое и редкое в те времена счастье художника — стать признанным и понятым при жизни не только в кругу литераторов и артистов, но и в народе своем.

Это признание прекрасно выразил Гончаров в письме к Островскому в день тридцатипятилетнего юбилея драматурга:

«Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после вас мы, русские, можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости должен называться «Театр Островского».

Вспомним знаменательное начало Островского. Передовые литературные кружки, а потом и вся читающая публика сразу поставили имя Островского рядом с этими тремя классическими именами. Слава великого русского драматурга при его жизни росла и ширилась по всей нашей земле. Чуткие к прогрессивным явлениям русской культуры, славянские народы первые тогда за рубежом показали у себя пьесы Островского. Отсюда началось мировое признание писателя, который через какие-нибудь двадцать лет после смерти приобрел общемировую славу.

Литература об Островском слишком много уделяла места козням театрального начальства, которое одно в России, по сути дела, и не признавало Островского.

Общее признание Островского от первых его шагов до могучих взлетов, истинное почитание и беспримерная слава при жизни — в этом наша гордость за свой народ. Были при Островском модные драматурги с их тщетными соисканиями славы. Шумели пьесы «За монастырской стеной», «Майорша», «Петербургские когти». Врожденный театральный вкус широких зрителей, их глубокое реалистическое чутье не позволили этим изделиям заслонить Островского.

Надо еще понять, какую миссию взял на себя Островский не только как драматический писатель, но и как преобразователь русского театра.

Трудно отыскать что-нибудь в жизни театра, чего бы не коснулся зоркий и проницательный взгляд Островского. «Я знаю театр в совершенстве», — часто говорил он не в пример многим из нас, которые не то, что совершенное знание, подчас элементарные понятия о сцене считают недостойным их писательского звания профессионализмом.

Он непримирим к актерам, играющим «на вызов».

«При таких порядках труппы нет, а есть только актеры, которым до единства и целостности исполнения дела нет, и каждому о себе только впору и думать».

Островский до конца дней своих заботится о театральных школах и продвижении молодых авторов. Он доходит до отчаяния от плохих исполнителей:

«Публика смотрит не пьесы, а исполнение пьес: прежде чем хлопотать о художественности пьес, надо завести хороших актеров, которые бы умели их играть».

Его приводит в ужас безалаберное и хищническое расходование средств в казенных театрах, когда он, например, узнает, что кресло в «Марии Стюарт» для Ермоловой обошлось Малому театру в 150 руб., когда ему красная цена 15 руб. И Островский, будучи заведующим художественной частью московской императорской сцены, начинает жестокую борьбу против непроизводительных, отягощающих бюджет расходов, за сокращение штатов театра.

Он строго и прямо-таки болезненно следит за сборами, считая спектакль никчемным, если его не хочет смотреть зритель. В Большом театре в 1886 году давали балет «Роксанна». Островский лаконично и выразительно записывает в своем дневнике:

«Роксанна» — 80 руб. сбору. Дожили».

Это лишь отрывочные, произвольно взятые примеры.

«Я тридцать пять лет прожил неразлучно с русским театром, — писал Островский, — радовался его радостями и горевал его горем». И в другом месте он говорит: «Я не только исполнил свой личный долг относительно призвания, т. е. не зарыл свой талант в землю, но и послужил еще обществу и государству, послужил, как горячий патриот».

Что же является для нас самым драгоценным и немеркнущим в этом патриотическом «служении русскому обществу?

До появления Островского, в 1843 году, Герцен писал о том, что у нас в России «разом для всей публики пьес не дается, за исключением разве «Горя от ума» и «Ревизора».

Мы очень смутно можем себе представить, как это могло быть, и поэтому даже в воображении нам трудно представить подлинный смысл этих слов. А это краткое определение Герцена — знал о нем Островский или нет — освещает всю борьбу Островского за русский национальный театр, за **народность** театра.

Интересно, что Островский над первою своею пьесой работал дольше, чем над всеми другими. Пусть он потом свой взгляд на жизнь в комедии «Свои люди сочтемся» называет «молодым и слишком жестким», но, несомненно, он знал, что задача его — дать театру такую драму, которую бы разом смотрела вся публика.

Не наивным и полупросвещенным человеком пришел в театр Островский. Он принес новое слово на сцену — русскую жизнь — и прекрасно понимал, что за новое слово придется еще побороться. Иначе бы он сник и потерялся в этом Малом театре, который он тогда называл космополитическим.

Вот то важнейшее и драгоценное, что не померкло через столетие и продолжает жить в наше время — борьба Островского против космополитизма в театре.

Говоря об упадке сценического искусства, он прямо утверждал, что «императорский Малый театр в центре земли русской стал каким-то международным».

«Вот мелодрама с невозможными событиями и нечеловеческими страстями, вот оперетка, где языческие боги и жрецы, короли и министры, войско и народ с горя и радости пляшут канкан».

«Буржуазия, — говорил Островский, — и везде не отличается благодетельным влиянием на искусство, а в Москве тем более». «Для буржуазной публики нужен театр роскошный и репертуар переводной»... «зачем же нам успокаиваться на пошлостях, тешащих буржуазное безвкусие?»

В те времена «новинки» западноевропейского театра импортировались в Россию тучами. Притом они вызывали неуклюжее подражание доморощенных авторов, в особенности в форме водевиля. Еще Белинский говорил, что наш русский водевиль, сколотый с французского, «положительно ни на что не похож». Чужие нравы с чужим сценическим стилем, перелицованные на русский лад, производили жалкое, несуразное впечатление, за редким, впрочем, исключением, когда из этого подражательного творчества вдруг являлись такие вещи, как «Лев Гурыч Синичкин».

Конечно, не против Шекспира и не против мольеровских комедий восставал Островский, сам переводивший Шекспира. Его приводило в негодование преклонение или, прямее, низкопоклонство перед модной иностранщиной, хлесткой, кричащей и наглой в своих забористых сюжетах. И поразительно, что в те времена, когда буржуазный класс только складывался и оперялся в России, — Островский сразу и надолго вперед оценил его вкусы, его потребности, его пагубное влияние на искусство вообще. Даром художника с глубочайшим знанием своего народа он открыл и, по существу, предсказал, что наша русская драма и наш театр не должны итти и не пойдут путем буржуазного искусства. Так оно и случилось. Русская классическая драма, явившаяся после Островского, русские сценические шедевры никогда ничего общего не имели с буржуазным космополитизмом без роду, без племени. Они прежде всего были глубоко национальными и остаются до сих пор общенародными сокровищницами национального духовного богатства.

Островский в письме больному Некрасову писал:

«Ведь мы с вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды, без шаблонного западничества и без детского славянофильства».

Это мог сказать тот, кто действительно всю свою жизнь отдал борьбе за народные интересы, кто заявлял правительству:

«У нас есть русская школа живописи, есть русская музыка, но нет русского театра, нет русской школы драматического театра; это оскорбляет наше патриотическое чувство. Мы не хотим писать пошлости для публики, мы хотим писать для всего народа».

И, наконец:

«Драматическая поэзия, — писал Островский, — ближе к народу, чем все другие отрасли литературы... Драмы и комедии пишутся для всего народа. Драматические писатели должны всегда это помнить. Они должны быть ясны и сильны».

«Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей опошлиться и измельчать; только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, а, наконец, и для всего света».

В этих точных словах дана целая программа и направление драматического искусства, пригодное и понятное для каждой нации, для каждого народа. Эти благородные, чистые принципы остаются прогрессивными и действенными до наших дней.

В постановлении ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба» сказано:

«Отрыв некоторых деятелей советской музыки от народа дошел до того, что в их среде получила распространение гнилая «теория», в силу которой непонимание музыки многих современных советских композиторов народом об'ясняется тем, что народ якобы «не дорос» еще до понимания их сложной музыки, что он поймет ее через столетия и что не стоит смущаться, если некоторые музыкальные произведения не находят слушателей».

Обобщая опыт передовых, могучих русских художников, в том числе и опыт Островского, партия большевиков мудро и чутко руководит ростом и развитием нашего советского искусства.

В наше советское время взгляды и принципы Островского остались живыми, действующими, и самая заветная, самая пламенная мечта нашего великого патриота, мечта о театре для всего народа — сбылась.

Сбылось и нечто иное, о чем писал Островскому Лев Николаевич Толстой шестьдесят лет тому назад:

«Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть, несомненно, в общенародном, в самом широком смысле, писателем».

Когда это писал Толстой, по России каждый вечер давалось от 3 до 6 пьес Островского. Теперь у нас бывают вечера, когда до ста театров по стране играют его пьесы, а число спектаклей достигает в год 15 тысяч.

Ни Шекспир в Англии, ни Мольер у французов, ни Шиллер у себя дома никогда не получали такого массового, в самом широком смысле, общенародного театра.

Сбылась еще одна проникновенная мечта Островского.

Он утверждал:

«Национальный театр — есть признак совершеннолетия нации, как академии, университеты, музеи. Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык...»

В советской стране пьесы Островского разыгрываются более чем на 30 языках в театрах наших народов, и мы знаем подлинные сценические шедевры, которыми действительно можно гордиться. Мы видели знаменитых исполнителей Островского как старшего, так и молодого поколений, — видели и гордились ими.

То были: семья Садовских, Массалитинова, Климов, Станиславский, Грибунин, Москвин — это слава нашего театра.

Сейчас на нашей сцене пользуются истинною любовью зрителей громадные артистические дарования — Яблочкина, Рыжова, Турчанинова, Пашенная, Яковлев, Тарханов — это уже классический ансамбль театра Островского, истинно-народные артисты общенародного театра, великим трудом всей своей жизни, громадным искусством заслужившие высшие почести и высшие награды.

Островский неизменно верил в неиссякаемый источник творческих сил талантливого нашего народа, но он, конечно, не мог предугадать, какое множество артистических талантов вырастет на его пьесах и что, наконец, возникнет необозримое народное движение театральной самодеятельности, где его творения станут высшей пробой молодых и радостных творческих сил.

Так умеют любить и возвышать, хранить и чтить своих национальных гениев только советские люди.

12 апреля в Малом театре

На торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского, собрались писатели, ученые, артисты, художники, генералы и офицеры Советской Армии, работники партийных и советских организаций, представители дипломатического корпуса.

В президиуме — председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. Лебедев, президент Академии наук СССР С. Вавилов, президент Академии художеств СССР А. Герасимов, министр просвещения РСФСР А. Вознесенский, академик И. Грабарь, артисты — А. Яблочкина, Е. Турчанинова, Н. Яковлев, М. Тарханов; писатели — Н. Вирта, Н. Погодин, Л. Леонов, Н. Телешов, родственники Островского.

Торжественное заседание открыл тов. П. Лебедев.

— Одна из самых ярких страниц в истории русского искусства связана с Островским, — сказал он. — Показав жизнь современной ему России во всем ее многообразии, драматург глубоко и правдиво раскрыл черты характера русского человека.

Тов. Лебедев говорит о значении драматургии Островского для советского театрального искусства. Во всех городах Союза идут произведения драматурга, в репертуаре театров страны — более 30 его пьес. В этом году будет осуществлено 800 новых постановок пьес Островского. Это лучшее свидетельство огромной любви нашего народа к замечательному художнику.

С докладом о великом русском драматурге выступил Н. Погодин.

Собравшиеся тепло приветствовали народную артистку СССР Е. Турчанинову, рассказавшую о значении Островского в творческой жизни Малого театра.

— Славный юбилей, который сегодня отмечает весь Советский Союз, — сказала Е. Турчанинова, — Малый театр встречает, как свой большой праздник. Этот праздник является не только поводом для воспоминаний, но и источником вдохновения для дальнейшей работы над пьесами знаменитого драматурга.

В наши дни, в свете постановлений Центрального Комитета ВКП(б) об идеологической работе, творческое наследие А. Н. Островского особенно нам дорого.

— Путь, указанный Островским, — отмечает артистка, — стал путем Малого театра. Мы свято чтим память великого драматурга, чье творчество — прекрасный образец высокоидейного реалистического искусства.

После торжественного собрания состоялся большой концерт с участием виднейших артистов столицы.

В ДНИ ЮБИЛЕЯ

Представители советской литературы и театров столицы пришли в Центральный дом литераторов на торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского.

В президиуме юбилейного собрания — лауреаты Сталинской премии Б. Ромашов, А. Софронов, В. Костылев, народный артист РСФСР Ю. Завадский, драматург А. Крон, писатель И. Розанов.

С докладом о творческом пути и литературном наследстве А. Н. Островского выступил Б. Ромашов. Докладчик подробно говорил о значении драматургии Островского в развитии мировой классической литературы и русского национального искусства.

— Советская власть, партия Ленина — Сталина сделали всё, чтобы пьесы Островского стали достоянием самых широких народных масс, — сказал Б. Ромашов. — Сотни национальных театров ставят произведения Островского на различных языках. Но нам предстоит еще много сделать для исследования его огромного литературного наследства, изучать великого драматурга и как режиссера и как публициста.

Писатель И. Розанов рассказал о своей встрече с гениальным драматургом.

Народный артист РСФСР Ю. Завадский говорил о режиссерском мастерстве А. Н. Островского.

***

В Москве состоялось торжественное заседание работников театров Московской области, посвященное этой знаменательной дате и 10-летию со дня присвоения имени А. Н. Островского Михайловскому колхозному театру.

С докладом «Жизнь и творчество А. Н. Островского» выступил профессор А. Г. Цейтлин, доклад «10 лет с именем Островского» прочла артистка О. К. Скарук.

***

Ленинградские театры в дни юбилея показали пьесы А. Н. Островского. В Академическом театре драмы имени Пушкина состоялась премьера комедии «Лес». В Театре комедии в 113-й раз шла пьеса «На бойком месте». Большой драматический театр имени Горького отметил юбилейную дату 125-м спектаклем «Сердце не камень». В Театре имени Ленинского комсомола в 267-й раз показана комедия «Без вины виноватые».

***

На предприятиях, в колхозах, школах, вузах Украины проведены лекции, доклады и вечера, посвященные жизни и творчеству А. Н. Островского. Имя великого драматурга присвоено Киевской 25-й школе и Николаевскому педагогическому институту.

***

В Ереванском драматическом театре имени Сундукяна на торжественном вечере, посвященном памяти А. Н. Островского, с докладом выступил кандидат филологических наук С. Арутюнян. Коллектив театра показал пьесу «Бесприданница».

«Островский — деятель театра»

Так называется новая книга об А. Н. Островском, выпускаемая издательством «Искусство».

Автор книги А. Гольдман анализирует высказывания драматурга о путях развития русского театра. Книга дает представление о деятельности Островского, как председателя Общества драматических писателей и заведующего репертуарной частью московских театров, рассказывает о сложных взаимоотношениях драматурга с императорскими театрами.

А. Гольдман приводит в своей работе малоизвестные и неопубликованные документы из переписки Островского и другие материалы, связанные с темой книги.

Борис ГАЛИН

ЧУВСТВО НОВОГО

ПИСЬМА С «ПРОЛЕТАРКИ»*

Я спросил Арсеньеву, планочницу на ватерных машинах:

— Почему вы поехали в Щелково к Надежде Серебряковой, что потянуло туда?

Евгения Кононовна не сразу ответила. Мне показалось, что она даже не расслышала моих слов, — в цехе стоял ровный, ритмичный шум ватерных машин.

Подняв белые, полные руки, к которым прилипли хлопья пряжи, Арсеньева спрятала выбившиеся из-под косынки светлорусые волосы. Я думал повторить вопрос, но Евгения Кононовна ответила, наконец, да и как просто:

— Что потянуло меня? Ведь там новое...

Планочница должна снимать готовую пряжу с машины в темпе, исчисляемом минутами и секундами. Новое в Щелкове состояло в том, что такая же планочница, как Арсеньева, Надежда Серебрякова убыстрила темп работы на ватерных машинах. И вот у пожилой планочницы, казалось, давно уже достигшей мастерства и обучавшей других стахановской работе, возникло горячее желание снова поучиться, взять ростки нового к себе, на свою фабрику.

Поиски нового — одна из характерных черт нашего времени. Восприимчивость к новому, к передовому отличает многих работниц «Пролетарки». Только ли Арсеньева потянулась к новому? А тихая, скромная Бойкова Мария Федоровна, перешедшая раньше других на уплотненную работу? Вот она рассказывает об этом:

— Я три ночи все думала об одном и том же, об одном и том же: как перейти на 1360 веретен. Запали мне в душу эти 1360 веретен, знаете, как песня, — привяжется и не отвяжется. Я была в ту пору парттруппоргом. Пошла в партком к Воеводиной и говорю: «Анна Ильинична, хочу перейти на сверхтиповое уплотнение». Анна Ильинична оглядела меня — я с виду робкая, хлипкая — и спрашивает: «А выдержишь ли, Бойкова?» А я отвечаю: «Как ватерщица я, может быть, и не выдержала бы, но как парттруппорг обязательно выдержу».

Мария Федоровна вся раскраснелась от волнения.

— Клавдия Жукова вам говорила, что, как оратор, я робею, а там, где касается ватерных машин, я уверенная. Пошли мы с Анной Ильиничной к заведующему фабрикой Ульянову; я сказала ему: «Товарищ Ульянов, одной мне, может быть, и не справиться, я ведь только начну, вроде запою, а будет сопряженность в работе, — то дело у нас пойдет...»

Слушая живой рассказ Марии Федоровны Бойковой, я вспоминал другой рассказ — выступление парторга участка «Никанор-восток» Мирона Дюканова на стахановском совещании. Рассказывал Дюканов о том, как стахановцы шахты «Центральная Ирмино», разделив труд, сломали старые нормы выработки.

Я хорошо помню это выступление Мирона Дюканова, помню осеннюю ночь в поселке шахты «Центральная Ирмино», когда тысячи горняков встречали своих товарищей, вернувшихся из Москвы, — Алексея Стаханова и Мирона Дюканова. Эхо отбойного молотка двух шахтеров разнеслось по всей стране, по всему миру. Алексея Стаханова ждали десятки писем, в том числе письма из-за рубежа.

Одно письмо было из Америки, из штата Тенесси. Директор университета памяти Линкольна писал шахтеру:

«Мой дорогой сэр!

Несколько времени тому назад университет памяти Линкольна организовал камеру, которая содержит теперь много фотографий с автографами и письма великих людей. Мы бы сочли за честь присоединить вашу фотографию с собственноручной надписью в нашу коллекцию и были бы благодарны за ее присылку...»

Далее следовали выдержанные в почтительном тоне вопросы: были ли в семье Стахановых великие люди и состоит ли он в родстве с историческими личностями?

Существо трудового подвига, совершенного советским рабочим, стимулы и постоянно действующие факторы народной жизни, поднимающие на общегосударственную вышку простых людей, — все это было недоступно пониманию американцев.

В это же самое время пришло к Стаханову другое письмо — из Колтушей, что под Ленинградом.

«Уважаемые горняки! — писал академик Павлов. — Всю мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический, и, пожалуй, даже больше второй. А особенно чувствовал себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь хорошую догадку, т. е. соединял голову с руками. Вы попали на эту дорогу. От души желаю Вам и дальше двигаться по этой единственной, обеспечивающей счастье человека, дороге.

С искренним приветом Павлов».

По этой верной дороге, дороге к счастью, идут советские люди.

* * *

В тот самый день, когда прядильщица Арсеньева поехала к Надежде Серебряковой, помощник мастера Балашов отправился в Щелково, к помощнику мастера Буйлову. Имя Андрея Федоровича Буйлова я часто слышал в эти дни на «Пролетарке».

Илья Федорович Балашов поехал к Буйлову с ревнивым чувством: ну что, собственно, нового может сказать ему молодой помощник мастера? К счастью, Балашов не был самоуспокоившимся человеком.

Илья Федорович вывез из Щелкова не только буйловский опыт, он вывез нечто большее — веру в себя, в свои собственные возможности. Он шел с Андреем Буйловым по маршруту его станков и думал про себя со смешанным чувством горечи и надежды: «А у меня, Андрей Федорович, резервов больше, чем у тебя. У меня больше неполадок, стало быть, больше и резервов».

— А разве до Щелкова вы не замечали своих резервов?

Мои слова, повидимому, его задели; он усмехнулся и, словно взвешивая на руках оба плана — свой и буйловский, заговорил быстро, энергично:

— В том-то и дело, что со стороны как-то виднее все стало... Точно с другого рубежа взглянул. Возьмите обрывность нитей. Норма — 0,3. Пятьсот обрывов в смену на все шестьдесят четыре станка. А что если добиться обрывности 0,25 — это резерв? Резерв! Скорость движения батанов у меня — 170 ударов в минуту. А что если поднять скорость до 185 движений в минуту! Это резерв? Резерв! А что если повысить «КПВ», коэфициент полезного времени в работе станка, до 190 ударов батана в минуту, — это точная перспектива? Точная! А самый главный резерв, — сказал он шопотом, точно поверял мне какую-то великую тайну, — в человеке.

Вернувшись из Щелкова, Балашов, с помощью техника Комарова и техника-методиста Маслобойщиковой, создал свой план. Он не был копией буйловского, — в нем жила живая мысль Ильи Федоровича Балашова.

Оба плана, подобно живым ручейкам, вливались в общее русло великого сталинского плана пятилетних работ.

* * *

Сопряженность — это слово я впервые услышал от прядильщицы Марии Федоровны Бойковой. Бойкова имела в виду сопряженность всего производственного потока — от хлопка до готовой продукции. Но весь смысл сопряженности, взятой в более широком плане, я ощутил, читая книгу, рассказывающую об опыте сквозной стахановской бригады на «Пролетарке». Ее написали, эту книгу, размером в двадцать страниц, на машинке, техники Буслович и Комаров. Книга написана по живым следам событий.

Одно рождает другое. Люди «Пролетарки» не только впитывают чужой опыт, — они сами творят новое, и удивительная вещь, — работая в полуразрушенных корпусах при суженных возможностях, они создали сквозную стахановскую бригаду, вовлекающую в соревнование массу людей.

В прядильном цехе парторг Анна Федоровна показала мне початок пряжи, который вместе с другими початками должен был быть направлен в ткацкую фабрику. На пряже выделялось клеймо, — это была марка ватерщицы.

Я словно взял нить с того початка пряжи и пошел вдоль производственного процесса к истокам бригады. Они начинались у кипо-разрыхлительной машины, на железных лентах которой плывет белоснежный хлопок, доставленный с полей Ферганы. Тонкий и нежный, как пух, хлопок плывет по железной ленте, его разрыхляют, расчесывают, освобождают [illegible] ленты, затем делают эти ленты все тоньше и тоньше, скручивают их, вытягивают в нити, пропускают эти нити через железную массу, пробирают эти нити через гребенка и на ткацких станках переплетают нити основы с нитями утка.

Так работает конвейер единых усилий, так возникает чувство локтя, великая сопряженность в будничной жизни.

В книге, написанной двумя техниками-стахановцами, можно прочесть:

«Сквозные стахановские бригады являются высшей формой стахановского движения, подготовляют переход к стахановским цехам и фабрикам. Они вовлекают в стахановское движение не только основных, но и подсобных рабочих. Они поднимают производственную активность рабочих, уничтожают обезличку на всем пути производственного процесса — от хлопка до суровья. Взаимный контроль и взаимная помощь еще больше об'единяют членов сквозных стахановских бригад и убеждают, что такая взаимопомощь и взаимоконтроль основаны на сознательном социалистическом отношении к труду».

* * *

Мартовским утром я уехал с «Пролетарки». Высоко в небе, словно обгоняя медленно плывущие белоснежные облака, по стальным тросам скользили вагонетки с торфом. Еще кружились в воздухе хлопья снега, но весна брала свое — снег быстро таял, вода шумела по-весеннему.

Это весеннее чувство жизни не покидало меня и в Москве, когда я спустя несколько дней отправился на «Трехгорку» в партийный комитет с той книгой, которую я прочел на «Пролетарке». Эту книгу жизни, рассказывающую о том, как рождается новое, я подарил московским текстильщицам в твердой уверенности, что опыт стахановских сквозных бригад будет горячо и дружно поддержан на «Трехгорке».

Я уже возвращался домой, когда увидел на фасаде дома надпись, — она напоминала о том, что здесь в 1919—1921 гг. неоднократно выступал перед рабочими Трехгорной мануфактуры Владимир Ильич Ленин.

Когда-то здесь была столовая для рабочих мануфактуры, — теперь сооружен театр Ленина. В этом здании по вторникам происходят замечательные встречи ткачих, прядильщиц, техников, инженеров, советских людей, для которых творчество является потребностью души.

Об этом мечтал Владимир Ильич, увидевший в первых коммунистических субботниках фактическое начало коммунизма.

7 ноября 1921 года Ленин говорил рабочим «Трехгорки»:

«Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян».

Эта чудесная сила вызвала к жизни стахановское движение — могучее и непреодолимое движение современности. И эта же чудесная сила вызвала к жизни творческую сопряженность ткачих и академиков, конструкторов и полеводов, поэтов и художников, она рождает у миллионов людей стремление искать, дерзать, смелее двигаться вперед по единственно обеспечивающей счастье дороге — к коммунизму.

* См. «Литературную газету» № 23 от 20 марта 1948 г.

Новости техники

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ МАШИНЫ

* Производство тигельных машин тяжелого типа для иллюстрированных и многокрасочных изданий освоил Шадринский завод Министерства машиностроения и приборостроения СССР.

* Новая ротационно-флатовая машина будет выпущена Щербаковским заводом. Она увеличит число красок до пяти и повысит производительность труда рабочих на 40 процентов. Качество печати, точность совпадения красок значительно увеличиваются.

Для печатания книжной и журнальной продукции на этом же заводе готовится опытный образец новой плоскопечатной двухоборотной машины. Она увеличит скорость печатания с 1500 до 2500 оттисков в час, улучшит качество, натиск и совпадение красок.

* Одновременно осваивается производство двухрольных газетных ротаций с шириной роля 84 см. На такой ротации можно печатать газеты в 4, 6, 8, 12 и 16 страниц. Тираж газеты в 200—250 тысяч экземпляров может быть выпущен за 5—6 часов вместо 10—15 часов, затрачиваемых в настоящее время.

* Новую модель линотипа «Н-4» с более совершенной наборной строкоотливной машиной осваивает ленинградский завод «Линотип». Здесь же вместо ручных отливных станков будет освоено производство высокопроизводительных круглоотливных полуавтоматов для книжных ротаций.

* Оригинальный горизонтально-репродукционный фотоаппарат для с'емок в крупных цинкографиях и для изготовления форм к офсетным машинам осваивает Московский экспериментальный завод полиграфического машиностроения.

* Стенографические пишущие машины для записи докладов и с'ездов машинным способом начинает производить Рязанский завод. Запись производится на бумаге определенного размера условными обозначениями, составленными из комбинации обычных букв алфавита по соответствующей системе. Эта система усваивается значительно легче, чем обычная стенография, и является единой для стенографической записи в стране.

Новая машина весьма портативна и удобна в эксплоатации; весит она два с половиной килограмма, бесшумна в работе и проста в обслуживании.

НА ДНЕ МОРЯ

Волны непрерывно разрушают морские берега. Кто бывал, например, в Сочи, тот мог заметить следы наступления моря. Участок сочинского берега, расположенный к югу от порта, еще недавно отступал на 3—4 метра в год. Подобные же явления наблюдаются на побережье почти всех морей. Разрушительная работа волн привлекала к себе серьезное внимание советских ученых, так как в некоторых районах она угрожает большим ущербом народному хозяйству.

Исследование действия морских волн ведет Институт океанологии Академии наук СССР. Руководитель исследований профессор В. П. Зенкович создал новую методику изучения этих явлений. В процессе изучения ему и его сотрудникам пришлось стать водолазами.

Надев водолазные аппараты, они опускались до глубин около 20 метров, совершали под водой длинные маршруты и, вооружившись геологическими молотками и другими инструментами, вели работу, подобную работе полевого геолога.

— В результате наших многолетних трудов, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» проф. Зенкович, — мы выяснили, что формы рельефа и развитие надводной части морского берега зависят прежде всего от строения морского дна, где непрерывно перемешаются громадные количества галечных и песчаных морских наносов.

— Итоги специальных экспедиций Института океанологии на морях Советского Союза, — сказал далее проф. Зенкович, — показали плодотворность новой методики изучения действия морских волн. Мы получили возможность сделать ряд важных теоретических обобщений, способствующих эффективной борьбе с разрушительным действием морских волн.

Из редакционной почты

Заслуженная награда и незаслуженное равнодушие

Мы получили два письма с одинаковым вопросом: «Когда же я получу заслуженный мною орден?»

«7 сентября 1944 года я был награжден орденом Красная Звезда, — пишет Николай Васильевич Алешкин. — На фронте я орден получить не успел. Вернувшись после демобилизации домой, пошел в Ханинский райвоенкомат. Там посмотрели мои документы и сказали: «Жди». Я ждал с 1945 до 1947 года. Снова прихожу в райвоенкомат. На этот раз мне посоветовали лично поехать в Тульский облвоенкомат. В Туле еле-еле нашли запрос райвоенкомата и отправили меня обратно со словами: «Жди вызова». Я ждал еще несколько месяцев. Вызова все нет. Иду опять в облвоенкомат. Там опять говорят: «Жди». И вот я жду до сих пор».

Неверно было бы говорить, что в Тульском облвоенкомате, куда обращался орденоносец, сидят просто сухие, черствые люди. Куда там! Эти люди обладают своеобразным юмором. Сначала они вовсе потеряли запрос Ханинского райвоенкомата, затем нашли его. А через год пред'явили к Алешкину претензии в том, что справка... износилась. Да за три года не то что справку, но и солдатскую шинель и не одну пару сапог можно износить, бравые ребятушки из Тульского облвоенкомата!

Вот второе письмо:

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 6 февраля 1947 года инвалид Отечественной войны Дмитрий Алексеевич Киселев был награжден орденом Красная Звезда.

«Отделу кадров Московского военного округа предписывалось вручить мне орден, — пишет тов. Киселев. — Отдел направил выписку из указа в Ивановский облвоенкомат. Орден, однако, я не получил. После моей вторичной жалобы отдел кадров МВО послал облвоенкомату выписку из Указа Президиума Верховного Совета СССР. 8 марта 1948 года я пошел в местный райвоенкомат, но там мне ответили, что на мое имя никаких документов так и не поступало». Итак, снова орден застрял в облвоенкомате, теперь уже в Ивановском. Написав десятки писем, обивая пороги военкоматов, районного и областного, отчаявшись добиться какого-нибудь вразумительного ответа, тов. Киселев пишет в редакцию: «Сейчас я в большом сомнении: дождусь ли того дня, когда мне будет вручена награда. А ведь я — инвалид».

Факты, которые сообщаются в этих двух письмах, не единичны. Я знаю немало аналогичных случаев. Так, целый список партизан, награжденных командующим Брянским фронтом еще в сентябре 1942 года, путешествует где-то между Путивльским военкоматом, Сумскими областными органами и наградными отделами Верховных Советов УССР и СССР. Из пяти человек, награжденных орденом Ленина, в живых осталось только двое: Коренов Алексей и Островский Виктор. Награду получить им не удается до сего дня. Путаница, бюрократизм, бездушное отношение к бывшим фронтовикам стали в иных организациях скорее правилом, чем исключением. Особенное внимание, мне думается, надо было бы обратить на работу областных органов, ведающих выдачей наград. Наиболее бездушное и бюрократическое отношение к оформлению и выдаче наград встречается именно в этих звеньях советского аппарата.

Депутатам Советов трудящихся надо бы обратить внимание на работу так называемых «технических» работников наградных отделов. Это следует сделать хотя бы потому, что трехгодичная волокита с вручением награды для фронтовика еще обиднее невознагражденной доблести.

Герой Советского Союза
П. ВЕРШИГОРА.

Кто преграждает книге путь к читателю?

Тревожные сигналы из двух республик

1. Преступное отношение к книге

На книжном складе Таттосиздата скопилось почти на 5 миллионов рублей самых разнообразных книг: 555 тысяч экземпляров политической литературы, 1 миллион 125 тысяч художественной (в том числе 575 тысяч детской). Лежат сотни тысяч книг, посвященных сельскому хозяйству, культуре, технике. Завалены книгами и склады типографий. В Татполиграфе около 62 тысяч экземпляров ожидают вывоза. Таттосиздат не принимает никаких мер к тому, чтобы освободить склады, направить литературу к читателю. В первом квартале этого года торгсбыт Таттосиздата (заведующий тов. Исанбаев) должен реализовать из 4 миллиона 63 тысячи рублей книжной продукции. Прошло 3 месяца, а реализовано книг на 1 миллион 359 тысяч рублей.

Во многом здесь повинны руководители Татсоюза потребкооперации (председатель президиума тов. Евдокимов). Склад культбазы доотказа забит книгами. Их скопилось 288 тысяч, в том числе 86 тысяч учебников, 127 тысяч книг художественной и детской литературы.

Постановлением Совета Министров Тат АССР упаковка и отгрузка книг в районы возложена на Татсоюз. Директор культбазы Татсоюза тов. Ханипов считает, что это — обязанность торгсбыта Таттосиздата. Эти две организации ведут ведомственный спор, а тем временем читатели лишены литературы. К тому же тов. Ханипов находит своеобразную смелость утверждать, что книга — товар неходовой и райпотребсоюзы, мол, берут его с неохотой.

Возмутительные факты чиновничьего сутяжничества Татсоюза и Таттосиздата известны руководителям республики. Однако все остается по-старому: распространением книги в Татарии попрежнему ведают деляги и чиновники, не сознающие своей высокой ответственности перед народом.

Депутат Верховного Совета СССР поэт **А. Ерикеев**, депутат Верховного Совета ТатАССР писатель **Кави Наджми**, заслуженный деятель искусств РСФСР драматург **Т. Гиззат**, заслуженный деятель искусств ТатАССР писатель **М. Амир**, Герои Советского Союза **Н. Якупов** и **Н. Зиннуров**, профессор **Г. Камай**, писатели **А. Шамов**, **Б. Зернит**, **Я. Винецкий**, **А. Абсалямов**, **Ф. Мусагитов**.

2. Книги издаются для... склада

Государственное издательство Карело-Финской ССР выпустило в 1947 году более 80 произведений художественной, научно-популярной, социально-политической литературы на русском и финском языках. Однако, за исключением Петрозаводска и некоторых районных центров, в остальных местностях Карело-Финской республики книги достать невозможно.

До читателей они почти не доходят: на складах издательства погребено литературы ни мало, ни много — на 400 тысяч рублей.

— В нынешнем году, — рассказывает директор издательства Т. Э. Романа, — мы дадим литературы на 5 миллионов рублей, а Когиз соглашается взять только на один миллион 300 тысяч рублей. Союзпечать также берет ограниченное количество книг.

Из тиража ежемесячного журнала «На рубеже» Когиз и Союзпечать обеспечивают распространение лишь одной пятой части. Не лучше обстоит дело и с альманахом «Пуналиппу» («Красное знамя»).

Жалобы на отсутствие книг на финском языке поступают из Кестеньгского, Ругозерского, Ребольского и других районов.

Тов. М. Житников сообщает из Ленинграда: «Отделения Союзпечати не принимают подписку на журнал «На рубеже», его нет даже в Доме писателей имени Маяковского. Как же выписать журнал?» Такие же жалобы получены из Минска, Мурманска, Калинина, Архангельска, Вологды и Ярославля.

На совещании в Союзе писателей Карелии выступил директор Когиза тов. Уманский.

— Нам негде торговать, — сказал он, — в семи районах вообще нет ни книжных магазинов, ни киосков. В городе Суоярви книжный магазин третий год торгует в бензозаправочной колонке, в городе Кондопоге — в квасном ларьке, в городе Олонце — в бане.

Заключительные слова выступления тов. Уманского — «И все-таки мы свой план перевыполняем» — вызвали удивление у присутствующих.

В чем же выражается перевыполнение плана, если книги, выпускаемые местным издательством, мертвым грузом лежат на складах?

Бесконечно воюют между собой Когиз и Союзпечать: обе организации уклоняются от распространения местной литературы и упрекают друг друга в нерадивости. Бесконечно враждует Когиз с республиканским издательством. Когиз отказывается принимать книги издательства, обвиняя его в бракодельстве. Издательство обвиняет Когиз в торгашестве. Распря между ними тянется годами, а склады завалены книгами.

Группа писателей обратилась через газету «Тотуус» («Правда») с предложением провести общереспубликанскую кампанию по распространению литературы с участием широкой общественности и торговых организаций. Но призыв писателей пока не нашел отклика.

А. ИНОЗЕМЦЕВ.

За образцовую полиграфию

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

В село Медвенку, районный центр Курской области, ежедневно прибывают из колхозов двухколесные таратайки или грузовые автомашины с озабоченными людьми. Под'езжают они к зданию райкома или райсельхозотдела, но не минуют и высокого крыльца медвенской типографии. Иные из приезжих интересуются последним номером газеты «Колхозное знамя», другие хотят сдать заказ в типографию.

— Все опять, как до войны, — от заказов отбою нет! — не то жалуется, не то торжествует заведующий типографией Савелий Васильевич Филатов. — Приезжает председатель колхоза имени Сталина — богатейший колхоз! — и заявляет: «Война давно кончилась, жизнь налаживается: как хочешь, а мне не пристало писать кладовщику требования на бумажках — отпечатай ты нам книгу требований». Из Заготзерна просят: «Нельзя ли заказать бухгалтерские книги, да переплести так, чтоб не хуже, чем в Курске?» Это они мне говорят! Я ж до войны не то что на Курск, но и на Донбасс, на Москву работал.

До войны медвенская типография была лучшей сельской типографией области. Имела эта типография две плоские машины и одну американку. Благодаря обилию заказов она не только обходилась без дотаций, но и давала доход государству — около 200.000 рублей в год. На эти деньги было построено два дома. В одном из домов помещалась типография, в другом жили ее работники и сотрудники редакции. Заведена была и своя электростанция, снабжавшая энергией весь районный центр.

Сейчас медвенская полиграфия снова возрождается. Имеется плоская машина, собранная из утиля и лома, получена американка, куплен мотоцикл. Типография загружена заказами и работает в три смены. Она выполняет важную культурную задачу в жизни района. Однако она могла бы сделать значительно больше, если бы... этому не мешал медвенский райком партии. Райком не нашел ничего лучшего, как попытаться оттягать у типографии ее жилой дом. С энергией, заслуживающей более достойного применения, райком затеял сутяжничество: дело это дошло уже до Верховного суда РСФСР.

Районная типография — очаг культуры, которым нужно дорожить.

Здесь можно печатать не только газету. Разве не важно, чтобы опыт передовых звеньев района стал достоянием всех колхозников, работающих в одинаковых почвенных и климатических условиях? Почему бы не издавать небольшие брошюры или листовки, тем более, что в районной газете — и без того крохотной по размеру — немыслимо печатать статьи, занимающие целый номер.

Думают ли об этом медвенские партийные руководители, да и не только медвенские?

* * *

В пристенской типографии, крохотной, занесенной снегом мазанке с низким потолком, было холодно, тесно и неуютно. Редактор Буравлев, только что приехавший из колхоза, писал листовку, а наборщица набирала ее по частям.

Редактор, наборщица, печатница, девушки, вручную приводившие в движение машину, — все стремились к тому, чтобы листовка, излагающая опыт передового колхоза, поскорее дошла до читателей. До всего остального им, будто, не было дела. Может быть, поэтому так удивились они нашему посещению.

— Чудно, что вы районной типографией интересуетесь! — воскликнула заведующая, Мария Павловна Гаркавенко.

Мария Павловна — в шубе. Проворные руки девушек-наборщиц красны от холода. Заведующая показывает нам свои владения: три шага в длину и столько же в ширину.

— Мы на тесноту не жалуемся, — говорит Мария Павловна, — сожгли гитлеровцы нашу типографию, а новую еще не выстроили. И на холод не обращаем особенного внимания — привыкли, что райисполком даже хромой коняки не дает, чтобы топлива привезти... Нас мучает, что нет шрифта! Самое горькое время, когда надо выпускать четырехполосный праздничный номер... хоть плачь! Приходится набирать и печатать две полосы, потом разбирать набор и набирать вторые две...

Мария Павловна взволнована, она говорит с обидой в голосе:

— Хоть бы из области, из полиграфуправления помощь какая была. А то бьемся, бьемся — райисполком на нас никакого внимания, в областное управление приедешь, а там сидит начальник — Котов его фамилия — он, как мебель, от него тоже толку не добьешься.

* * *

И все же медвенская и пристенская типографии работают в относительно хороших условиях.

В Фатеже крыша в типографии газеты «Путь Ильича» протекает, как решето. Наборный цех находится в проходной комнате, вся редакция умещается за одним столом.

— Сидим вокруг этого единственного стола, как конференция какая-нибудь! — горько шутит фатежский редактор Гусев.

Редактор высказал нам свое «затаенное желание» — поскорее перевести типографию с электроэнергии на... ручную тягу. Два вертельщика, — рассуждает он, — обойдутся дешевле, чем электроэнергия. Городская электростанция установила для типографии плату за энергию почти в семь раз выше обычной ставки.

В Красной Яруге типографию занял прокурор. Михайловская типография помещается в комнате площадью в 28 квадратных метров, да и оттуда ее собираются выселить: дом принадлежит лесничеству.

Что сказать о типографиях, находящихся в городах? О белгородской типографии куряне отзываются с гордостью — там есть даже цинкография (мечта всех районных полиграфистов). Но вот мы заехали в город Обоянь. В редакции и типографии обоянской газеты «За коммуну» не топят всю зиму, наборщики и печатники работают в верхней одежде.

Редактор уступил наборщикам свой кабинет, в котором поставили времянку. Но как здесь тесно и темно! Два окна из трех заложены кирпичом и не застеклены. Во всей Обояни не могут — или не хотят — найти для своей типографии несколько десятков метров провода. Поэтому машину вертят вручную, так же как и в районах, где нет электростанции...

* * *

В типографиях упразднили должность корректора. Как это ни звучит дико, но районные типографии стали рассадниками неграмотности: они принимают и печатают явно неграмотные тексты бланков, отчетов, квитанций.

Неблагополучно и с кадрами. Где готовить наборщиков и печатников? В районных типографиях? Но ведь тут часто нет ни одного сколько-нибудь опытного мастера. Вывод напрашивается сам собой — нужны полиграфические школы.

Но Курское областное полиграфуправление обо всем этом думает очень мало.

Доклада полиграфуправления облисполком не слушал несколько лет. О полиграфуправлении забыли, а начальник управления Котов, разумеется, и не собирается о себе напомнить.

Районная типография беспризорна. Местные партийные и советские руководители мало интересуются своими типографиями. В центре тоже нет организации, которая заботилась бы об этих очагах культуры.

* * *

Вернувшись в Москву, мы побывали в Главполиграфснабе — организации, которая снабжает нашу областную полиграфию. Начальник Главполиграфснаба И. К. Дешеревский выслушал нас очень спокойно.

— Что вы хотите? — рассуждает Дешеревский. — Это же бесхозные типографии! Они у меня по номенклатуре проходят как «другие организации». Я не имею права давать им что-либо, кроме шрифтов, запасных частей и краски...

...Закончить эту статью хочется словами старого белгородского печатника:

— Думайте что-нибудь, товарищи! Дальше так жить нельзя!...

Районной типографии нужен хозяин.

Н. АРАЛИЧЕВ.

Народное просвещение в Молдавии

Более 200 тысяч молдавских крестьян, недавно неграмотных и малограмотных, сдали выпускные экзамены.

Министр народного просвещения Молдавской республики тов. А. М. Лазарев в беседе по телефону с корреспондентом «Литературной газеты» сообщил, что третий учебный год в школах ликбеза республики окончен успешно.

— Советский строй, — говорит тов. Лазарев, — сделал возможным невиданный расцвет народного просвещения в Молдавии, освобожденной из-под ига бояр, панов и гитлеровских захватчиков. В старой Бессарабии две трети населения, особенно крестьяне, не умели даже расписаться. Сейчас старики и молодежь, селяне и рабочие, мужчины и женщины пришли в народные школы. Около 20 миллионов рублей ассигновало государство на создание этих школ, которыми руководят 14 тысяч культармейцев — энтузиастов народного просвещения.

— По сведениям, поступившим в министерство со всех концов республики, испытания в школах ликбеза проходили отлично, — сказал далее министр. — В диктанте по родному языку на 50—60 слов учащиеся допускают не более 3—4 ошибок, свободно читают, решают сложные арифметические задачи. На экзаменах по географии выпускники показали хорошие знания по пройденному материалу и умение пользоваться географической картой.

— Сейчас уже можно назвать десятки сел сплошной грамотности. В одном Вертюжанском районе 10 таких деревень. В селе Рошу Кагульского района даже глубокие старики научились читать и писать.

— Всего в Молдавской республике, — сказал в заключение тов. Лазарев, — в послевоенные годы окончили школы ликбеза около 600 тысяч человек.

Антонина КОПТЯЕВА

Сила большевика

Старатель! Какой горькой насмешкой звучало раньше это слово! Не рабочий-шахтер, не землекоп, нарывающий жилы на хозяйской работе, а как-будто вольная птица: старался для себя на отведенном ему участке, за свой риск и страх. Сам делал разведку и все подготовительные работы, сам строил жилье—подальше бы только от казны, от чиновников, начальников, от всяких бумажных дел.

Но за допуск на участок старатель платил хозяину «положенное». Старатель «старался» голодный и голый, а хозяин набивал карманы. Дни удач, когда артель попадала на богатую яму с «золотым дном» или находила большой самородок, такие дни, о которых мечталось десятки лет, а иногда и целую горбатую жизнь, проходили пьяным угаром. Старатель просыпался с тяжелой головой, хозяин — с туго набитым карманом.

От такой горькой, душной жизни уходили старатели, мечтавшие об избавлении от неписанной своей кабалы, в тайгу, подальше от жилых мест — хищничать. Хищник — это вольный разведчик, не имевший прав ни на разведку, ни на самостоятельную промывку найденного им золота. Однако хищничество охотно допускалось хозяевами приисков, которые охотились за вольными разведчиками и, как только золото было найдено, травили их казаками и стражниками на основании закона. Открывателей прогоняли плетьми, иногда расстреливали, участком завладевал промышленник. И снова приходили старатели...

Так в борьбе с жесточайшей эксплоатацией жила и создавала свои традиции старательская вольница. В большинстве это были индивидуалисты, не интересующиеся ничем, кроме своей крохотной артели, своей деляны. Такой сырой массой они прошли и через годы гражданской войны, и через годы первой пятилетки. Старатели считали, что для них законы не писаны. Они не признавали ни норм выработки, ни трудовой дисциплины. Сегодня здесь поработал, завтра там, не понравилось — собрал котомку и пошел дальше... Поэтому до 1933 года предприятия, державшиеся в основном на старательской золотодобыче, из года в год сидели в прорыве. Богатейший Алданский район не выполнял свою программу до тех пор, пока весь трест, ведавший его разработкой, не попал на черную доску, до тех пор, пока Серго Орджоникидзе не издал замечательный приказ об усилении старательской золотодобычи.

Внимание партии и правительства, забота о быте и труде старателя, приход на предприятия настоящих руководителей — коммунистов изменили все прежние представления о старании, как «вольной», хищнической золотодобыче. Изменилась в корне и психология сибирского старателя. Он стал болеть интересами не только своей артели, но и всего предприятия, всего советского государства, как болеет ими шахтер Донбасса или слесарь ленинградского Кировского завода.

О таком повороте в работе старого забайкальского старательского прииска Мунги и написал свою правдивую, взволнованную и яркую книгу Василий Ганибесов. Жизнь прииска писатель знал хорошо. В течение семи лет он был парторгом ЦК ВКП(б) на золотом прииске «Шахтама», расположенном в тайге, в районе вечной мерзлоты. Свой второй роман (первый роман «Эскадрон коммиссаров» вышел в 1931 г.) В. Ганибесов закончил накануне Отечественной войны. С первых дней войны писатель ушел на фронт. В январе 1943 года он погиб.

В своем романе В. Ганибесов создал обаятельный образ парторга Усольцева. Усольцев весь в действии, в движении с первого появления на страницах книги, когда он спасает из обвала коммуниста-забойщика Чи-Фу.

Усольцев смело идет в самую гущу событий, и старатели, привыкшие к бесшабашной жизни, сразу почувствовали его силу, а потом и поняли, что не только сломить, но и погнуть его невозможно. Однако Усольцев отнюдь не диктатор. Он умеет найти главное звено, за которое в данный момент необходимо ухватиться. Он чуток в выборе людей, — так, на кого можно и должно опереться, чуток в своем подходе к ним. За всеми его действиями ощущается огромная любовь к людям. Этим он и привлекает к себе приисковых активистов, таких, как Чи-Фу, как забойщик Данила Жмаев, и старых искателей фарта. Среди этих искателей, кровно обиженных дореволюционными порядками, по привычкам к «вольной» кочевой жизни, интересна фигура Иннокентия Заерова, старшинки самой богатой шахты «Сухой».

Хорошо написан образ директора прииска Натальи Свиридовой, выдвиженки, бывшего инструктора райкома. Сдержанно, но волнующе рассказана история ее любви к Усольцеву. Веришь в их будущее счастье, как веришь словам Усольцева в конце книги:

«Я солдат, боец. Я всю революцию по нарядам хожу. Где плохо, — там и я. А работы везде — захлебнуться! И я не могу... Не могу, чтобы у нас было плохо!»

Усольцев настоящий боец-большевик. Он говорит Свиридовой о старателях: «Надо поставить их в положение хозяев. Они не убегут, нет. Мы будем успешно руководить старателями в том случае, если ничего не скроем от них... Наша партия никогда и ничего не скрывала от народа, и в этом ее сила».

А обстановка на прииске была тяжелая, когда Усольцев вступил в бой: программа не выполнялась, не было золота, не было денег, не было продовольствия, в поселках шатались и мутили японские лазутчики. И в это трудное время в результате хищнически-беспечного ведения подземных работ произошел обвал в шахте «Сухой» и четыре человека — среди них лучшие активисты прииска — Данила Жмаев, Чи-Фу — оказались засыпанными в забое.

Сурово приняло парторга горно-таежное Забайкалье! Но Усольцев поднял на борьбу против традиционной старательской расхлябанности людей, живших на прииске.

Огромное впечатление произвело на рабочих спасение четырех старателей, засыпанных обвалом в шахте «Сухой». Что стоила раньше жизнь рабочего? Чтобы скорее восстановить доступ к золотым забоям, хозяин взорвал бы динамитом мерзлую глыбу, завалившую ход, и с ней взорвал бы людей, отрезанных от жизни, не обращая внимания на их призывный стук.

Так и советовал дирекции поступить немецкий агент, инженер Зюк, для которого рабочие — только «ключи» для доступа к золотому сокровищу. «Прииск должен понимать свой выгода», — говорил он поучительно, словно перед ним находились упрямые и бестолковые ученики. Но доводы агента немецкого фашизма, кажущиеся ему естественными, звучат для советских людей, как рассуждения людоеда.

Смекалка неутомимого Усольцева помогает спасти шахтеров. Всеобщий под'ем на прииске, созданный подлинно человеческой заботой партийных руководителей об участи рабочих-старателей, выводит прииск из прорыва. Народ отплатил за добрую заботу сторицей. И вот праздник... «Рабочие люди, полтора месяца без отдыха проработавшие по призыву коммунистической организации, хотели знать, увидеть и услышать на народе, так ли, ладно ли они делали? Что они сработали? И что еще надо делать, чтобы ловчее пошла жизнь?»

И слово «старатель» вдруг прозвучало гордо в речи парторга Усольцева: он называет старателями всех трудящихся советских людей. Он говорит, что старатель-труженик выше всякой цены. «Все богатства созданы его трудом». И впервые открывается рабочим-таежникам глубокий смысл их нового «старания»: стараясь для своего государства, они стараются и для себя.

Теперь и на поиски золота они уходят не как хищники, стремившиеся к «вольной» жизни, а как сознательные рабочие, мечтающие принести пользу народу, своей родной советской власти. Открыть «золотой амбарчик для всех, а не про собственный черный день» стало мечтой каждого советского старателя-разведчика. Он окружен общим уважением, угроза черного дня для него перестала существовать, он знает, что в случае болезни или старости его не вышвырнут с прииска, как негодную ветошь; поэтому так правдиво звучат в романе слова дедушки Мартынова, организатора стариков—вольных разведчиков, обращенные к Усольцеву перед праздником 7 ноября: «... примай от нас новое золото, Василий Алексеевич. От стариков советской власти к празднику. Россыпь открыли. Сдаем безвозмездно... Пусть она пользуется, держава наша».

Правдиво и убедительно показывает Ганибесов поворот к новому среди старателей-китайцев. В страшной кабале жили они когда-то у старых хозяев. Их труд считался тогда особенно дешевым и выгодным. Нетребовательных, но трудолюбивых китайцев и корейцев грабили всеми способами, издевались над ними самым бессовестным образом. А они были беззащитны, эти бывшие китайские кули, портовые рабочие Шанхая и Кореи, шандунские крестьяне, разоренные безземельем, налогами и неурожаем. Многие из них работали на золотых приисках по 15, 20 и 30 лет, не выходя из тайги. Столько неграмотными, не знающими русского языка, их эксплоатировали паразиты-старшинки артелей, опиокурильщики и скупщики золота. Дружба и помощь со стороны русских рабочих совершенно изменили жизнь китайцев и корейцев на прииске, вошедших в тесную единую семью советских людей.

Книга «Старатели» имеет большую познавательную ценность. Она дает читателю яркое представление о жизни золотого промысла, о старательском быте и труде, о суровой, но прекрасной природе горного Забайкалья.

Но главное в талантливом романе В. Ганибесова то, что в нем образно раскрыты черты советских людей, присущие всему нашему народу: чувство товарищеской дружбы, отсутствие национальной розни, способность проникнуться государственными интересами, способность, делающая из рядового забойщика государственного деятеля. В прекрасном образе парторга Усольцева автор правдиво показал значение и роль большевистского руководства в воспитании советских людей.

В. Ганибесов. «Старатели». «Октябрь» № 3, 1948.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«О ДЕРЗНОВЕНИИ И РОБОСТИ»

В связи со статьей А. Первенцева «О дерзновении и робости», опубликованной в «Литературной газете» от 7 февраля, директор, главный инженер и парторг ЦК ВКП(б) Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината сообщают, что комбинат досрочно выполнил план первого квартала.

Включаясь в предмайское социалистическое соревнование, комбинат обязуется завершить четырехмесячный план 20 апреля.

«ВОЗМУТИТЕЛЬНАЯ НЕВОЗМУТИМОСТЬ»

В связи со статьей А. Берзер «Возмутительная невозмутимость», опубликованной в № 20 «Литературной газеты» от 10 марта 1948 года, профессорско-преподавательский состав факультета языка и литературы Калининского педагогического института на специальном заседании обсудил работы, вошедшие в XV том «Ученых записок» института. Участники обсуждения, в том числе И. Нечаев и В. Ванслов, признали правильной оценку «Ученых записок», данную «Литературной газетой».

Наряду с этим собрание отметило, что работы проф. Смирнова «Старины — сказания любовные», доц. К. Емельянова «Чехов о науке и ученых» не получили еще должного критического анализа и оценки. Эти статьи, равно, как и приложение к XV тому «Ученых записок», изданное в марте 1948 года, будут подвергнуты широкому обсуждению на заседании кафедр.

Директор Калининского педагогического института
П. ПОЛЯНСКИЙ.

Полгода назад Государственный институт по проектированию кинопредприятий и кинотеатров разослал во все области страны альбомы типовых проектов.

Более ста сельских кинотеатров в Тульской, Рязанской, Смоленской и других областях уже строятся по этим проектам. Учитывая особенности сельского кинотеатра, авторы проектов заменили фойе просторным вестибюлем, а зрительный зал сделали удобным для лекций, докладов и собраний.

Архитекторы А. Жбаков, В. Новак, Т. Акинфиева, В. Калмыков использовали в своих проектах традиции русского народного зодчества.

Сейчас коллектив московских архитекторов продолжает проектирование новых сельских кинотеатров. В стадии разработки находятся 8 проектов кинотеатров, рассчитанных на 250—300 мест.

На снимке: эскизный проект деревянного кинотеатра на 150 мест архитектора Т. Акинфиевой.

Проф. И. РЫЖКИН

ГЕНИЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Книга Б. Асафьева «Глинка» написана человеком, страстно влюбленным в творчество великого композитора.

Первоклассным композитором Глинку признали в тот же день, когда впервые исполнялся «Иван Сусанин». Но только для наиболее чутких современников было ясно, что произведения Глинки знаменуют собой нечто большее, чем появление еще одного первоклассного мастера, и что это большее заключается в утверждении новой — русской — национальной школы на вершинах мировой музыкальной культуры. В. Одоевский писал, что, «создав «Сусанина», Глинка положил начало новой эпохе в музыке». Ныне общепризнано, что с Глинкой в области музыкального творчества утвердился новый стиль — реализм. Этот стиль, глубоко родственный реализму Пушкина в литературе и Репина—в живописи, принципиально отличен от романтизма, завоевавшего господствующее положение в западноевропейской музыке XIX века.

В выяснении истинного облика и величия гениального композитора — большая заслуга советских музыковедов и, прежде всего, Бориса Владимировича Асафьева. Автор ведет решительную борьбу за реалистические традиции народной музыки Глинки.

Ни об одном композиторе не было распространено столько неверных представлений, как о Глинке. Глинку пытались изображать ограниченным обывателем.

Б. Асафьев показывает широкий круг интересов, незаурядную начитанность, свободолюбие композитора и очень верно определяет его историческое место: «Глинка, как и Пушкин, люди русской культуры декабристской поры».

О творческом процессе Глинки почти всегда говорилось как о чем-то стихийном. Из книги Б. Асафьева видно, что композитор сознательно ставил перед собой все новые и новые творческие задачи и глубоко обдуманно разрешал их.

Сколько критических замечаний, чаще всего несправедливых, было высказано об опере «Руслан и Людмила»! Б. Асафьев раскрывает продуманность и закономерность творческого плана второй оперы Глинки. По определению исследователя, «Руслан» — это гениальный опыт музыкального воссоздания народного эпоса о героических странствованиях. Автор не только полно раскрыл содержание этой оперы, но и подробно охарактеризовал формально-композиционные средства, используемые Глинкой.

Любовь к «Руслану», повидимому, определила повышенный критицизм Б. Асафьева по отношению к опере «Иван Сусанин». Некоторые замечания автора справедливы. Так, указывая на неубедительность пафоса одной из арий Собинина, Б. Асафьев пишет: «Всюду, где, как и в роли Сусанина, сюжет требует от композитора убедительнейшего высказывания о родине и ее судьбах, — качество и тонус музыки повышаются. Но если ситуация притянутая и эмоционально-вымышленная—музыка холодеет: остаются лишь словесные тирады». Невозможно, однако, принять утверждение Б. Асафьева о том, что «предстоящая свадьба Антониды и Собинина» является «около» лежащим действием», «лишенным лирического содержания» и что «тема о «детях Сусанина» вклинивается в оперу... неподвижным грузом, да еще с официальной патриотической окраской».

Сочетание страстного увлечения своей темой с огромной эрудицией и мастерством музыковедческого анализа обусловило высокое достоинство книги. С ее страниц на читателя смотрит живой, подлинный Глинка, чутко вслушивающийся в музыкальную речь родного народа, понявший его помыслы и устремления и воплотивший их в эпосе «Сусанина» и «Руслана» и в лирике романсов. Б. Асафьев убедительно показывает, что **общечеловеческое** в творчестве Глинки вырастает на основе **народного — национального,** «на основе такого его расцвета, когда есть чем поделиться с другими народами».

Исследуя прошлое, Б. Асафьев делает выводы для настоящего.

Русская музыкальная классика XIX столетия развивалась под непосредственным влиянием творчества великого композитора. Творческий опыт Глинки имел жизненное значение не только для своего века. Перед советскими музыкантами стоит задача глубокого освоения этого драгоценного наследства. В наше время музыка в наиболее высоких ее проявлениях стала делом всего народа, а творчество Глинки отвечает запросам самых широких народных масс.

Подлинное ощущение требований нашей современности—вот главная причина жизненной убедительности и свежести книги Б. Асафьева.

Хочется указать еще на одно из ее больших достоинств — на точность и выпуклость характеристик, данных Б. Асафьевым различным произведениям Глинки и музыкантам, с которыми сталкивался композитор на своем творческом пути. О вступительных сценах в «Иване Сусанине» и в «Руслане» исследователь, например, пишет: «Интродукция в начале оперы, как потом и в «Руслане», является своего рода экспозицией народной силы и народного характера и строя жизни».

Мы уже отмечали мысль Б. Асафьева о том, что качества и тонус музыки Глинки повышаются там, где требуется убедительнейшее высказывание о родине и ее судьбах. То же можно сказать о музыковедческих работах самого Б. Асафьева: творческий успех его книги о Глинке об'ясняется тем, что в ее основе лежит властная потребность высказаться о судьбах русского музыкального искусства, неотделимого от судеб Родины.

ПЕРВЫЕ КНИГИ

Под солнцем Узбекистана

Книга Светланы Сомовой, поэтессы, родившейся в Ленинграде, учившейся в Москве и живущей в Средней Азии, начинается стихами о столице:

Москва моя добрая! Я издалека
Под стены седые пришла.
С дорог и тропинок родного Востока
Я песни тебе принесла.
...А песни — песчинки. Их солнечный шорох
Кочующей вверен судьбе.
Они — об открытых тобою просторах,
И, значит, они — о тебе.

Перелистывая страницы этой книги, мы видим просторы Советского Востока, его творческое цветение, созидательный труд его людей,—радугу, сверкающую над бетонной фархадской плотиной, Ташкент и Аму-Дарью, пламя мартена у подножья Могол-Тау и людей—скромных, самоотверженных работников строительства.

Стихи говорят о многих людских судьбах, о творческом подвиге, о большевиках Узбекистана. Это — еще поиски, часто неумелые, но поиски своего отношения к миру, своего слова о замечательных советских людях.

Русские поэты наших национальных республик вкладывают свою лепту труда в развитие русского стиха, обогащая его мотивами и ритмами поэзии братских народов. Книга Светланы Сомовой напомнила мне об этом. В ее стихах я увидел живое свидетельство дружбы народов, душу русского человека, который любит и глубоко уважает братские народы и отдает им все свои творческие силы.

Это сказывается в стихах о военном Ташкенте, о воинах Узбекистана на фронте, в стихах «Прощанье», написанных поэтессой в день ее от'езда на фронт в 1943 году.

Край тополевый! Тебе присягаю
В верности этим прощаньем своим.

То же относится к стихам об узбеке, форсировавшем Днепр, о Кудрате — поваре артиллерийского полка, и к другим стихам, написанным в армии.

Большие наши советские просторы, наши солнечные пути, проложенные по пустыням, вновь возникающие города, заводы, которые поднимаются над песками, и люди — творцы нового, — вот темы стихов Светланы Сомовой и переведенных ею стихов узбекских поэтов, включенных в книжку под удачным названием «Песни моих друзей». Здесь переводы стихов Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, Уйгуна, Айбека, Зульфии, Тимура Фаттаха, Миртемира, Амина Умари. Это вполне квалифицированная переводческая работа, ибо в стихах сохранено своеобразие каждого из переводимых поэтов. Это—преимущество, обусловленное постоянной работой в Узбекистане, хорошим знанием языка, истории и фольклора народа.

Я говорю об этой книге не потому, что мне все в ней нравится. Можно было бы привести много досадных примеров то схематизма, то ложной сентиментальности, то слащенькой интимности: некоторые строки звучат пародийно, например:

И глядит, остолбенев, гора,
Как река рождается под ней,
Как горы столетняя сестра
Движется на спинах у людей.

Поэтессе нужно указать, что в поисках простоты и ясности изложения она иногда опрощает тему, впадая в невыразительный репортаж.

Есть в книге погрешности языка, вялая рифмовка, провинциализмы. Это необходимо заметить, потому что Светлане Сомовой немало дано, и от нее мы вправе поэтому многое требовать.

В. ЛУГОВСКОЙ

Светлана Сомова. «Стихи и переводы». Издание Союза советских писателей Узбекистана. 1947, 130 стр.

Без скидки на молодость

Книга молодого аварского поэта Расула Гамзатова «Земля моя» заслуживает разговора без скидок на молодость поэта и молодость литературы, в которой он работает.

В стихотворении «Молодой поэт» Гамзатов обращается к сверстнику:

Зачем, мой друг, ты пишешь о войне,
Ведь ты все время прожил в тишине?
Зачем, скажи, ты пишешь о любви,
Не чувствуя волнения в крови?
Ведь песня мстит,
Смеется над тобой:
Поэт и в песне должен быть собой.

Гамзатов имеет право на такую взыскательность.

С глубоким лирическим волнением Гамзатов пишет о Ленине и Сталине, о Москве, ставшей любимым городом молодого аварца, о Советской Армии, о героях Краснодона, о родном Дагестане и доблести его воинов.

В стихотворении «Горцы у Ленина» поэт рассказывает, как его соплеменники однажды посетили великого вождя. «Насекли кубачинцы огромную шашку ему и в Анди приготовили бурку на великана»... А когда приехали к Ильичу, «в приемную вышел к ним не богатырь, а простой человек невысокого роста», но этот простой человек оказался человеком великим, родным и близким. В стихотворении хорошо запечатлена характерная черта Ленина — внимание к массам, вера в массы. Сердечные слова нашел Гамзатов, рисуя облик вождя:

И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,
Взял и бурку, и шашку с насечкой горящей.
Взял и трубку
И, чтоб не расстроить друзей,
Даже им не признался, что он некурящий.

Спокойная уверенность в силе нашей Родины выражена в стихах, направленных против поджигателей новой войны:

Однажды утром
мать меня спросила:
Сынок, скажи мне,
быть ли вновь войне.
Я ныне слезы видела во сне,
Я слышу шум,
я двери затворила.
Не бойся, мама,
этот шум иль шорох
Пускай твоих не беспокоит снов.
То жабы квакают в своих гнилых озерах
И напугать хотят
степных орлов.

В стихах Гамзатова постоянно присутствует мысль, радует свежесть ее поэтического выражения. В стихотворении «После дождя» он пишет: «Ты посмотри: вблизи и вдалеке под небом вся природа посвежела, как девушка, что вымылась в реке, а высохнуть на солнце не успела».

Поэт склонен к афористической форме, что вообще свойственно аварской поэзии: «Люди не по солнечным часам, а по Спасским время проверяют»... — говорит он в стихотворении о Кремле. Следует все же предостеречь молодого поэта от злоупотребления этим «приемом», — не всегда его афоризмы оправданы.

Предметность лучших стихов Гамзатова говорит о смелом отказе поэта от многих условных, традиционных приемов восточной поэзии. Тем не менее, традиционная образность еще дает себя знать в стихах Гамзатова и нередко обедняет его возможности.

Книга Гамзатова — пример дружеского сотрудничества молодых русских поэтов и молодого поэта Дагестана.

За исключением поэмы о героях Краснодона, переведенной И. Сельвинским, все стихи переведены Н. Гребневым и Я. Козловским.

Не все переводы Н. Гребнева и Я. Козловского в равной степени хороши. Лучше других переведены стихи «Горцы у Ленина», «После дождя», «Песня о Ханпаше», «Молодой поэт», «Однажды утром», «Кремль».

Гр. ЛЕВИН

Расул Гамзатов. «Земля моя». Дагиз. Махач-Кала, 1948 год, 92 стр.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТАХИ

Он появился в Риге в летний день прошлого года и проследовал по тенистым бульварам походкой человека, которому не до прелестей природы. Вскоре он вошел в кабинет начальника Управления трудовых резервов.

— Я драматург Долматов, — представился вошедший. — Мне кажется, — продолжал он, — что пора создать пьесы о ваших ремесленниках. Они этого достойны...

Заключив договор с Управлением трудовых резервов и получив аванс, Долматов изрек:

— Я должен познать своих героев. Без этого писатель — лодка, выброшенная на мель. Знание души героя — парус творчества. Великий Горький работал в булочной, и помните, с какой силой он описал эту незаметную пекарню?!..

Драматурга Долматова поселили в лучшем ремесленном училище Риги. Познание героев он начал со школьного повара: «Когда я сыт, мой ум становится пытливым»...

Короче говоря, завтрак, обед и ужин по индивидуальному заказу и за казенный счет.

Шесть месяцев прожил Долматов в ремесленном училище № 1 на всем готовом, не платя за это ни копейки. В республиканском Управлении трудовых резервов терпеливо ждали, когда наполнится ветром «парус творчества» их почетного иждивенца.

На исходе полугодия парус надулся, лодка сошла с мели, и пытливый ум сытого драматурга обогатил мировую литературу двумя одноактными пьесами: «Шестой разряд» и «Тетушка Мирдза».

Какая из этих пьес лучше — сказать трудно.

В «Шестом разряде» движущей силой учебы тринадцатилетних ребят автор сделал любовную драму. Положительная девочка хорошо учится и собирается работать на передовом заводе «Красное счастье». Она любит отрицательного мальчика, который, разумеется, плохо учится, но хочет ехать на передовой завод вместе с девочкой. Есть еще один мальчик — положительный, поначалу девочка его не любит.

Когда отрицательный мальчик засыпается на экзамене, девочка срочно переключается на положительного мальчика, и они вместе едут на «Красное счастье»...

«Тетушка Мирдза» — базарная торговка, из уважения к читателям ее переживаний мы описывать не будем. Поговорим лучше о жгучих переживаниях автора.

В Управлении трудовых резервов поняли, что зря кормили и холили драматурга. Автора робко попросили проконсультировать пьесы в Союзе писателей. В Союзе писателей пьесы разругали. Драматург остался, конечно, при ином мнении и пошел в ЦК комсомола Латвии. Он надеялся, что где-нибудь он найдет того человека, который ему нужен. Таким человеком оказался заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК комсомола тов. Штейнберг. На бланке ЦК он отпечатал, что отдел пропаганды «одобряет одноактные пьесы драматурга С. Долматова»... «и рекомендует их» и т. д. Хлоп! Капкан сработал! Бумажка в руках Долматова, и теперь она уже—не бумажка, а орудие для взлома несгораемой кассы. На стол начальника Управления трудовых резервов тов. Тринклера ложится мотивированный счет за «Тетушку Мирдза». На другую пьесу был договор, и об этих деньгах драматург не волновался.

Цитируем счет, скалькулированный Долматовым:

«...1. Стоимость обыкновенной одноактной пьесы по расценкам для союзных республик . . . . 6.000 рублей.

2. Комедия расценивается, в зависимости от качества, на 25—50% дороже, а так как «Тетушка Мирдза» — несомненно комедия, то минимум (скромность какая!) — 25% составят... . . . . 1 500 рублей.

3. Готовые (?) пьесы и комедии, не требующие никаких поправок и переделок... расцениваются на 50% дороже. «Тетушка Мирдза» — комедия совершенно готовая, следовательно, 50% от 7 500 рублей составят . . . . 3.750 рублей.

4. Готовые пьесы и комедии, когда они рекомендованы, расцениваются еще на 25% дороже. «Тетушка Мирдза» дважды рекомендована, следовательно, 25% от 7.500 рублей будет . . . . 1.875 рублей.
Итого — 13.125 рублей.

Примерно в те же дни, когда С. Долматов в поте лица составлял сей мотивированный счет, в Латвийском Управлении по делам искусств появился другой деятель. Его звали Леонид Иерихонов.

— Я член ленинградской организации Союза писателей, — представился он, скромно умолчав, что он давно из этой организации исключен.—Очень полезны,—продолжал он,—пьесы о бдительности. Такая пьеса есть!..

С этими словами он положил на стол одноактную пьесу. Авиационный конструктор Таня заочно полюбила авиационного инженера Петю. Он приезжает на завод—она должна его впервые увидеть. Но их разделяет бюро пропусков. Таня живет на территории завода, а новый директор завода ввел правило, при котором пропуска заказывает только он. Правило он ввел, а сам куда-то уехал. Таня возмущена. Вдруг входит симпатичный товарищ, который оказывается инженером Петей. Радостная встреча. Инженер Петя решает испытать Таню. Он вынимает револьвер и требует чертеж ее нового самолета. Потом она выхватывает револьвер у него, потом он выхватывает у нее, потом даже автору это надоедает, и он заставляет инженера Петю бросить всю эту волынку с револьвером и признаться, что он и есть новый директор завода. В заключение директор Петя говорит конструктору Тане, что надо быть бдительной.

Долматов и Иерихонов — гастролеры. Их коллега Исаев-Яккер более прочно обосновался у рижан. Он получил здесь квартиру от горсовета, того самого горсовета, который до сих пор не смог дать квартиру знаменитой рижской стахановке Савельевой.

В отличие от своих собратьев Исаев-Яккер не оставляет следов в виде литературных произведений. Но кое-какие следы этого деятеля нам удалось отыскать. В Литфонде есть его заявление о выдаче ссуды. Сказано кратко и деловито: «Прошу выдать...»

Человек просит — ему дали: 4.500 рублей.

— За что? — спросили мы работников латвийской организации Союза советских писателей.

— Но ведь он писатель! — ответили в союзе.

— Откуда вы это взяли?

—У него была какая-то бумажка о принадлежности Союзу писателей Грузии...

Мы решили запросить ССП Грузии. Из Тбилиси пришел телеграфный ответ: «Исаева-Яккера Иосифа Исаевича знаем как члена ленинградского отделения Союза писателей».

Однако ленинградцы на телеграфный запрос тоже ответили, что Исаева-Яккера знать не знают, возможно, он состоит в писательской организации Грузии...

Так и осталось неизвестным, к какой писательской организации принадлежит Исаев-Яккер и какой вид литературной деятельности его вдохновляет больше всего. Но ясно одно — к гонорарной кассе вдохновение толкает его неуклонно. Благо у касс этих сидят люди весьма доверчивые и сердобольные к перелетным птахам.

Подобные окололитературные проходимцы раз'езжают по стране, снабжая всевозможные ведомства и издательства самой бесшардонной халтурой. Это попросту жулики, спекулирующие на уважении народа к писателям. Разумеется, они ничего общего не имеют ни с писательскими организациями, ни с советской литературой. В их разоблачении заинтересована вся писательская общественность, все, кому дороги интересы нашей литературы.

В. АРДАМАТСКИЙ,
Вл. РУДНЫЙ.

В борьбе за свободу Италии

П. ЛИСОВСКИЙ

Когда советские зрители познакомились с новым итальянским фильмом «Рим—открытый город»,—перед их глазами развернулась картина героической борьбы итальянского народа, поднявшегося на защиту своей жизни, свободы и чести. Герои фильма — простые люди, плоть от плоти итальянского народа, рабочие, работницы, инженер-коммунист, священник. Все они становятся бесстрашными солдатами свободы, героями и мучениками. Несколькими штрихами показана в фильме ведущая и организующая роль коммунистической партии, как авангарда общенародной борьбы.

«Рим — открытый город» — это воистину героическая эпопея народа, который в условиях жесточайшего террора гитлеровских палачей продемонстрировал верность своему славному революционно-демократическому прошлому, традициям великих демократов XIX века — Гарибальди и Мадзини.

Той же теме посвящена вышедшая недавно в Италии книга Луиджи Лонго — «Народ в борьбе» [1]. Автор ее — один из видных деятелей итальянской коммунистической партии—был руководителем партизанского движения в Северной Италии в годы гитлеровской оккупации. Написанные непосредственным участником и очевидцем событий, записки Лонго воспринимаются, как живой человеческий документ эпохи. Лонго показывает, как росло и ширилось движение Сопротивления в Италии в 1943—1945 годах, описывает отдельные его этапы. В вводной главе он дает краткий обзор борьбы коммунистов против фашизма с 1922 по 1943 год, т. е. со времени похода Муссолини на Рим и до крушения его диктатуры; затем рассказывает о создании правительства Бадольо, о предательской сдаче Рима немцам итальянскими реакционными генералами, о героическом и победоносном восстании населения в Неаполе. Понятно, что наибольший интерес представляют главы, в которых Лонго говорит о партизанском движении. На первых порах оно носило чисто стихийный характер; это была естественная реакция народа на зверства гитлеровских оккупантов. Но постепенно, в ходе борьбы движение становилось все более целеустремленным и сознательным. Личные интересы отступали на задний план, и все большее значение приобретали общенародные задачи и цели. Рожденная возмущением и отчаянием одиночек борьба постепенно превращалась в народное патриотическое движение, участники которого бесстрашно шли на верную смерть во имя жизни и счастья своего народа. Десятки страниц книги посвящены описанию легендарных подвигов этих неведомых героев итальянского народа.

Вот молодой рабочий Ди Нанно. Тяжело раненый, он в продолжение многих часов отстреливался от окружавших его дом фашистов. Когда у Нанно вышли патроны, он на глазах у собравшейся толпы выбросился из окна и разбился насмерть. Вот старый антифашистский боец, коммунист Джамбоне. Перед расстрелом он написал следующие строки: «Я спокоен, ибо чувствую, что поступал хорошо, отдавая всего себя, все свои силы священному делу освобождения человечества».

Поэт Иньяцио Виан был арестован гитлеровцами в Турине. Опасаясь, что под пытками он проговорится и выдаст товарищей, Виан перерезал себе вены и написал кровью на стене: «Лучше смерть, чем предательство».

Восемнадцатилетнего Альдо Сальветти фашисты распяли на кресте. Немецкие палачи требовали, чтобы он назвал имена своих товарищей. Юноша гордо ответил: «Вы узнаете их, когда они придут, чтобы отомстить за меня!»

Перед читателем проходит целая галерея портретов героев освободительной борьбы. Среди них: рабочие и ученые, крестьяне и артисты, торговцы и философы, солдаты и генералы, профессиональные революционеры и известные писатели. Все они встали на защиту своей страны.

75 тысяч сынов Италии, павших в борьбе с захватчиками, — вот та цена крови, которую заплатил итальянский народ в борьбе с фашизмом.

Глубокого значения полны слова, предпосланные автором его книге:

«Эта книга, — пишет Лонго, — посвящена мертвецам, мученикам и героям национально-освободительной войны, их матерям, их женам, их детям, с чьими именами на устах они умирали. Она посвящена всем тем, кто боролся и страдал на полях сражений, в тюрьмах и ссылке, на заводах и полях родины, ради того, чтобы Италия вновь была свободной и заняла свое достойное место в мире, Италия — любящая мать всех своих детей».

Книга Лонго интересна не только тем, что знакомит нас с подвигами итальянских патриотов.

Особое значение она приобретает в настоящее время, когда реакционные силы Италии, опираясь на усиленную поддержку американской реакции, делают попытку ликвидировать демократические завоевания итальянского народа, навязать ему реакционный режим худшего типа, подчинить его контролю иностранного империализма. Итальянская реакция напрягает все силы, чтобы на предстоящих 18 апреля выборах в парламент добиться разгрома прогрессивных сил, об'единенных в Народно-демократическом фронте. В борьбе против Народно-демократического фронта реакционные силы и выступающая в качестве их авангарда правительственная партия христианских демократов не гнушаются никакими средствами. Не имея опоры в массах, реакционные силы делают ставку на запугивание масс, на развертывание широких военно-полицейских мероприятий. Как сообщает австрийская печать, в последние недели перед выборами американское оружие вплоть до танков непрерывным потоком шло в Италию из западной Германии. Только на-днях правительственный официоз «Пополо» хвастливо заявлял, что правительство располагает «для охраны порядка» в дни выборов войсками и полицией в количестве 400.000 человек. Усиленно вооружаются американским оружием не только армия и полиция, но и нелегальные фашистские боевые организации, развертывающие террористическую деятельность против левых профсоюзных и политических деятелей при благосклонном попустительстве со стороны правительства. В Сицилии за последние несколько месяцев фашистскими бандитами убито 35 профсоюзных работников и руководителей крестьянского движения. 12 апреля в ответ на разгул фашистской реакции в Сицилии была, по инициативе Всеобщей конфедерации труда, проведена всеобщая одночасовая забастовка.

Методы насилия и террора сочетаются с попытками обмануть и шантажировать итальянский народ. Ему пытаются внушить, что без американской «помощи» Италия обречена на гибель, что победа Народно-демократического фронта на выборах повлечет прекращение этой «помощи».

В движение приведена вся сложная машина католической церкви и Ватикана. Римский папа выступил с открытой пропагандой в пользу христианских демократов и против «безбожного» коммунизма. Ватикан действует в тесном контакте с американскими реакционными кругами. Личный представитель Трумэна при Ватикане Тэйлор перед выборами прибыл в Рим с письмом к папе Пию XII от президента США. Американская реакция и Ватикан принимают самое активное участие в «подготовке» итальянских выборов.

Однако жалкие потуги реакции и империализма обречены на провал. Итальянский народ не поддастся ни на угрозы, ни на лживые посулы. Народ, проявивший чудеса героизма в борьбе против гитлеровских захватчиков и фашистской реакции, сумеет дать отпор последышам фашизма в Италии и их зарубежным империалистическим покровителям. Народно-демократический фронт, воплощающий лучшие традиции комитетов национального освобождения 1943—1945 гг., опирается на поддержку самых широких масс итальянского народа. Будущее в Италии принадлежит Народному фронту, а не реакционным силам.

Выборы 18 апреля явятся важным этапом на пути к победе демократических сил в Италии. Книга Лонго, говорящая о великой борьбе итальянского народа, о могучих силах, заложенных в нем, проливает яркий свет на нынешний этап политической борьбы в Италии и ясно показывает путь ее дальнейшего развития.

[1] Luigi Longo. Un popolo alla macchia. Ed. Mondadori, Milano, 1947.

В Италии перед выборами

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Художественное оформление избирательных участков.

С'езд мастеров культуры в Праге

Десятого апреля в концертном зале «Люцерна» собрались на свой первый с'езд писатели, поэты, художники, артисты, ученые Чехословакии — всего 1.500 делегатов. В зале находятся члены правительства — министры Неедлы, Копецкий, Свобода, а также прибывшие в Прагу мастера культуры других стран.

Задачи работников культуры в новой народно-демократической Чехословакии были сформулированы во вступительном слове писателя Яна Дрда.

— Февральские события, — сказал он, — вызвали невиданный творческий под'ем в трудовом народе, освежили нашу общественную жизнь, выдвинули новые задачи перед работниками культуры. Речь идет прежде всего о том, чтобы наша культура стала демократической, народной культурой, доступной для самых широких масс... Речь идет о новом смысле нашего творчества, которое должно воспитывать, обогащать жизнь трудящихся, делать ее радостной и счастливой.

Делегаты с'езда с вниманием прослушали доклад профессора Пражского университета Штолла о творческих проблемах литературы, искусства и культуры. Каждый передовой деятель культуры, — заявил докладчик, — если он не хочет отстать от жизни нашего народа, должен овладеть теорией научного социализма. Только метод социалистического реализма может вывести нашу литературу, наше искусство и нашу культуру на широкую дорогу жизни.

Крупнейший ученый и общественный деятель страны, министр просвещения Зденек Неедлы в своем выступлении разоблачил так называемую теорию «искусства для искусства». Он показал, что эта «теория» служит лишь ширмой для прикрытия подлинных целей капитализма.

— Мы выступаем против безидейности в искусстве, — заявил Неедлы. — Наше искусство должно быть проникнуто социалистической моралью. Оно должно отражать нашу реальную действительность.

Доклад министра информации Копецкого, выступления народного художника Вацлава Рабаса, писателей Резача, Новомeстского, ректора Оломоуцкого университета Фишера и многих других показали, что подавляющее большинство работников культуры в Чехословакии стоит на платформе демократии и прогресса.

На с'езде выступил с речью премьер-министр Готвальд. Он отметил огромную роль интеллигенции и работников творческого труда в строительстве нового общества.

— Писатели, ученые, деятели культуры, — сказал Готвальд, — не смогут успешно выполнить своей миссии до тех пор, пока не овладеют самыми передовыми идеями современности. Я уверен, что ваш с'езд явится началом могучего творческого под'ема, каким охвачены рабочие и крестьяне нашей страны. Ныне, когда мы имеем все условия для того, чтобы работники физического и умственного труда шли одной общей дорогой к новой жизни, для работников фронта культуры открываются широчайшие возможности.

Речь президента Академии наук Болгарии Тодора Павлова была проникнута глубоким оптимизмом, верой в великую и прогрессивную роль славянских народов.

Об интернациональном значении славянской культуры и ее прогрессивной роли для народов всего мира говорили многие ораторы.

Участники с'езда тепло встретили появление на трибуне французского поэта Луи Арагона.

— Тринадцать лет назад, — сказал он, — в Париже состоялся первый международный с'езд писателей в защиту культуры. На этом с'езде и представители Чехословакии подняли свой голос против общей опасности, грозившей тогда со стороны нацизма, проповедывавшего право господства немецкой расы над всеми народами. С того момента произошло много событий. Мы победили. Чехословакия стала свободной, а из пределов моей родины был изгнан враг, против которого мы подняли тогда совместно свой голос. Но в эти дни я снова должен заявить, что культура в опасности. Культура в опасности потому, что идеология Гитлера снова появилась на арене. Культура в опасности потому, что ныне, как и прежде, попираются права других народов. Культура в опасности потому, что американский империализм грубо вмешивается во внутренние дела других народов. Примером этому может служить Франция. Более того, вся Западная Европа уже не свободна. В ней орудуют люди, которые хотят превратить Европу в источник наживы для американцев. Слово европейского писателя уже не имеет свободы в Западной Европе. Демпинг американской литературы бизнеса совершает свое разрушительное дело на родине Виктора Гюго и в других странах Европы. Литературные произведения многих современных французских писателей напоминают продукцию консервных заводов Чикаго. Да, я снова заявляю, что культура в опасности. А раз в опасности культура, — значит опасность грозит Праге и Парижу.

Яркое и взволнованное выступление Луи Арагона, призвавшего мастеров культуры снова выступить в защиту свободы, демократии и прогресса, прозвучало набатным призывом к сплочению прогрессивных сил для совместной борьбы против неофашизма. Слова Арагона нашли горячий отклик среди участников с'езда.

В единогласно принятой резолюции говорится, что писатели, художники, мастера науки и техники Чехословакии включаются в активную созидательную деятельность народа, будут создавать культуру и литературу не для узкого избранного круга людей, как это было прежде, а для всего народа, и вместе с ним будут строить новое общество.

«Мы хотим, — заканчивается резолюция, — еще большего сближения нашего народа со всеми славянскими народами, а также со всеми подлинно демократическими и прогрессивными силами других стран».

С'езд мастеров культуры Чехословакии продемонстрировал единство работников культурного фронта со всем народом и явился важным событием в политической и культурной жизни страны. Принято решение о выступлении мастеров культуры за единый список Национального фронта на предстоящих парламентских выборах в Чехословакии.

В. МЕДОВ.

ПРАГА, 13 апреля. (По телефону).

В болгарских театрах

Болгарская газета «Работническо дело» напечатала обзорную статью о театральной жизни Болгарии. Газета отмечает, что за последний год репертуар театров пополнился пьесами на современные темы. Во многих театрах страны сейчас ставится пьеса К. Симонова «Русский вопрос», инсценировка романа А. Фадеева «Молодая гвардия», пьеса Джеймса Гоу и Арнода Д'Юссо «Глубокие корни». Современным темам посвящены новые пьесы болгарских драматургов Андрея Гуляшки «Болото», Александра Гиргинова «Лучи Перника», Крума Кюлявкова «Биржевики», Орлина Василева «Тревога».

«Славянская записная книжка» Марии Пуймановой

Мария Пуйманова — известная чешская писательница, автор романов «Люди на перепутье», «Предчувствие». Недавно пражское издательство «Свобода» выпустило ее новую книгу «Славянская записная книжка». Это — путевой дневник, репортаж писательницы, побывавшей в братских странах новой демократии и поделившейся с читателями своими впечатлениями.

Памяти В. Маяковского

К исполняющейся сегодня 18-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского Дом-музей его имени приобрел интересные материалы.

Среди новых документов — автографы стихотворений «Секрет молодости» и «Ленинцы». Последнее стихотворение озаглавлено в рукописи «Ленинство». До сего времени это разночтение не было известно.

Большой интерес представляют два подлинных «Окна РОСТА» № 393 и № 476 с шестнадцатью рисунками и известными стихами Маяковского:

Сегодня у буржуев мира вой.
Видится буржуям Октябрь мировой.

Американцы, немцы, итальянцы и прочие
со страхом смотрят, как просыпаются рабочие.
. . . .
Конец такой для буржуев скор.
Солнце встает из-за времени гор.

Особую ценность представляет серия плакатов-лубков, издававшихся во время первой мировой войны издательством «Сегодняшний лубок». Стихи на всех плакатах принадлежат Маяковскому, один из них с рисунком поэта обнаружен впервые.

С этими документами, относящимися к периоду первой мировой войны, как бы перекликаются материалы, посвященные значению творчества Маяковского в Великой Отечественной войне. Советские люди дали имя поэта трем боевым машинам. Материалы Музея рассказывают о их рождении и боевых делах. Еще в феврале 1930 года Маяковский написал стихотворение «Подводный комсомолец»:

Пугая
вражьи корабли,
гудком
разиньте глотку.
На комсомольские рубли
мы
выстроим подлодку.

Молодежь откликнулась на призыв поэта и, построив лодку, назвала ее именем талантливейшего поэта нашей эпохи. Этот подводный корабль под командованием капитана третьего ранга Афанасьева одним из первых в мае 1942 года прорвал морскую блокаду Ленинграда и вышел в Балтику топить вражеские транспорты.

В августе 1943 года рабочие Н-ского завода решили во внеурочное время построить боевой самолет «Владимир Маяковский». Через 10 дней грозная машина оторвалась от бетонной дорожки и ушла в небо.

12 сентября 1944 года с главного конвейера одного из танковых заводов сошел танк «Владимир Маяковский». После окончания войны командир этой машины — гвардии лейтенант Латышев написал в Музей: «Танк «Владимир Маяковский» прошел славный путь от плацдарма за Вислой до столицы гитлеровской Германии — Берлина... Танк участвовал в операциях по освобождению Польши, вторжению в Померанию и овладению Берлином».

В числе подарков — акварели художника Земенкова «Кабанихин переулок» и «Сущевская полицейская часть», о которых Маяковский вспоминает в своей автобиографии «Я сам».

Народный художник СССР, лауреат Сталинской премии С. Меркуров передал Музею посмертную маску поэта. От скульптора В. Акимова получен бюст молодого Маяковского.

15 апреля в Доме-музее состоится большой вечер, посвященный 18-й годовщине со дня кончины поэта.

«КРЫМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Под таким названием выходит серия книг, выпускаемая Крымским областным издательством. Первыми в этой серии изданы произведения А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького. В серию входят также крымские стихи В. Маяковского, рассказы А. Чехова, К. Тренева, А. Куприна, С. Сергеева-Ценского, П. Павленко и др.

«Священный союз» 1948 года

Акад. Е. ТАРЛЕ

Когда мы читаем воодушевленные призывы — скорее создать западный блок, — призывы, исходящие от гг. Черчилля, Даллеса, Леона Блюма, Гарримана, Шумахера, Пия XII и всех прочих платных и бесплатных популяризаторов заокеанских «доктрин» и «планов», нам совершенно неизбежно припоминаются блаженной памяти создатели и идеологи Священного союза. Для этого не нужно никакого напряжения памяти: при минимальной ассоциативной способности ума эти исторические воспоминания приходят на мысль сами собой, неотвратимо и повелительно.

Начать с чисто внешней и тем более характерной черты сходства: с одинаковости словесных штампов, как ораторских, так и литературных.

«Перед нами чудовище, которое, если ему не воспрепятствовать, противопоставив учение истинной морали и суровую силу, то оно пожрет нас всех».

Кто это говорит? Генти, секретарь Меттерниха, о революционном движении в посленаполеоновской Европе, или редактор современной французской газеты «Монд», секретарь и политический советник французского премьера, о декларации девяти коммунистических партий?

«Зло должно быть пресечено в корне, пока оно еще не успело отравить народ. Братская христианская помощь, во имя вашего же собственного спасения, должна быть оказана страждущим от безбожного нападения, если они сами не могут себя спасти».

Кто это из'ясняется столь красноречиво? Шатобриан и его газетные клевреты, умоляющие Веронский конгресс послать войска для подавления испанской революции и восстановления самодержавия Фердинанда VII, или г. Трумэн, убеждающий конгресс в необходимости не щадить никаких миллионов, если нужно спешить на помощь страждущим греческим братьям: Цалдарису и Зервасу и китайскому (очень сейчас страждущему) брату—Чан Кай-ши?

«Или выборы дадут победу правительству, или выборов больше не будет!»

Вы полагаете, что эта молодецкая угроза, переданная в агентских телеграммах,— плод самостоятельного умственного творчества г. де Гаспери, намекающего на приход в итальянские порты иностранной эскадры? Нет, это по приказу французского премьера князя Полиньяка писали его газеты весной 1830 года во Франции, намекая, что, в случае избрания оппозиционного большинства, Полиньяк покончит и с палатой, и с конституцией вообще, и что при таких покровителях, как Меттерних и Николай I, его конечная победа обеспечена.

Мы ничуть не обвиняем де Гаспери в плагиате, так как общеизвестны крайне скромные размеры его эрудиции, и с нашей стороны было бы более чем смело предполагать, что до него могли добраться слухи, будто сто восемнадцать лет назад существовал некий французский премьер Полиньяк, которого низвергла в том же 1830 году июльская революция. Нет, аналогичность социально-политической ситуации просто порождает нередко аналогичные умонастроения.

«Пятнадцать дней усмирения — это пятнадцать лет спокойствия!»

От кого исходит этот «успокоительный» афоризм? От австрийского фельдмаршала Радецкого, так успешно вешавшего и расстреливавшего итальянских революционеров в 1848 году, или от кроткого, ласкового Леона Блюма, этого щедринского Иудушки-кровопивушки в новейшем французском издании, который так убедительно доказывал осенью 1947 года своему другу Жюлю Моку, что, в крайнем случае, «для самих же стачечников будет лучше, если даже самыми крутыми мерами будет обеспечена долгая спокойная работа»?

Все эти внешние стилистические совпадения, число которых можно было бы без малейшего затруднения удесятерить, конечно, не случайны. Аналогия несравненно глубже. Можно сказать, что за всю новую историю человечества только дважды случалось, что социально-политический строй, чувствовавший себя под революционной угрозой, чаял и искал спасения в создании международной организации, призванной установить круговую поруку между всеми заинтересованными правительствами и осуществлять эту взаимопомощь, не останавливаясь ни перед какими мерами прямого вмешательства, как дипломатического, так и вооруженного.

В первый раз это произошло при создании 26 сентября 1815 года Священного союза, призванного спасти дворянско-абсолютистский строй от приверженцев принципов буржуазной революции. Второй раз это происходит на наших глазах при поспешном сколачивании западного блока, организуемого для совокупной и одновременной агрессии капиталистических держав против демократических стран.

Идеологи и стратеги этого западного блока, правда, говорят, что они хлопочут не об агрессии, а только о самообороне, и что не их вина, если, как выразился один из самых заслуженных поджигателей войны Эрл, «и в социальной войне тоже нападение является наилучшей обороной, как и в войне против внешнего врага».

Но и тут нынешние крестоносцы не оригинальны. Ведь и Меттерних тридцать четыре года подряд твердил, что он удачно спасает Европу от взрыва революционного вулкана, и с удовлетворением похвалил себя, заявив однажды, что он недаром пожил на свете, если ему удалось окончательно защитить Европу от «потрясателей основ государственной жизни». К полной для него неожиданности, через какие-нибудь несколько месяцев после этого спокойно-горделивого высказывания, как раз сто лет тому назад, в марте 1848 года, сей спаситель государственных основ принужден был с предельной скоростью покинуть неблагодарную взбунтовавшуюся Вену, одетый для пущей конспирации и безопасности в дамское платье с шлейфом.

При всем глубоком отличии социально-экономических и политических отношений в первой половине девятнадцатого века и в середине двадцатого века, сходство между этими двумя историческими явлениями — Священным союзом и западным блоком — вовсе не ограничивается внешними фразеологическими совпадениями. Оно гораздо глубже.

Вполне естественно, что, об'единяясь для предстоящих походов против революционного врага, лагерь реакции и в первом и во втором случаях не мог и не хотел открыто провозгласить свои истинные цели. Потребовалось какое-то благообразное внешнее прикрытие. Необходимо было оповестить человечество, что Александр I, Франц I, Фридрих-Вильгельм III и те, которые к ним примкнули попозже, не просто стремятся перестраховать свое самодержавие, свое крепостное право, свои беспредельные возможности засадить кого угодно в Петропавловскую крепость, в Шпильберг, в Шпандау, но что они движимы истинно христианским стремлением водворить на земле мир и в человецех благоволение. И очень было кстати, что папа Пий VII участливо простер свою благословляющую десницу над тремя помазанниками, обнаружившими внезапно столь человеколюбивые намерения.

А ведь беспокойство насчет папской десницы у авторов Священного союза было немалое. В самом деле: Александр I был «еретиком», последователем греческой схизмы, Фридрих-Вильгельм III придерживался вероучения Лютера, давным-давно отлученного и многократно проклятого. Так что из трех помазанников, инициаторов Священного союза, по-настоящему «доброкачественным» был только Франц I. Но Пий VII решился, в конце концов, игнорировать эти «неувязки» и оказал им полнейшее содействие.

Любопытно отметить, что инициаторам современного западного блока тоже пришлось не только создавать себе благообразные идеологические прикрытия и подкрепления, но даже и итти отчасти по проторенной дорожке.

В печать проникли сведения о горячем обращении приближенных к Пию XII кардиналов насчет необходимости закрыть глаза на то, что души заокеанских еретиков погрязают в проклятой на всех соборах пресвитерианской ереси. Повторилось с буквальной точностью то, что произошло при создании Священного союза: тогда все высшие князья церкви, кардиналы и прежде всех генерал иезуитского ордена настойчиво приглашали папу: «Хоть ты и наместник Христа, Пий VII, глава единоспасающей церкви, но благослови еретиков, идущих в поход против безбожия и революции!»

Конечно, особых и притом наиболее характерных моментов, отличающих времена Священного союза от времен сколачивания западного блока, больше, чем признаков сходства. Да и было бы совсем невероятно, если бы их не было. Громадная, непроходимая пропасть отличает первые годы прошлого века от середины двадцатого столетия.

Главенствующей идеей, лежавшей в основе всей политической стратегии и тактики Священного союза, была теория круговой поруки, несокрушимо прочной солидарности интересов всех правительств, поддерживавших феодально-абсолютистскую реакцию на всем континенте Европы, «от царскосельских лип до башен Гибралтара», — как писал Пушкин в 1823 году, имея в виду именно эту солидарность тогдашней мировой реакции. Аракчеевщина поддерживала меттерниховщину, новгородские военные поселения поддерживали прусскую казарму; поражение декабристов учитывалось в благоприятном смысле и восторжествовавшими окончательно при Карле X вернувшимися белыми эмигрантами во Франции, и римскими кардиналами.

Но о какой же искренней прочной «солидарности» может быть речь между представителями монополистического капитала? Ведь монополистический капитал по самой своей сущности, по своей экономической природе, так сказать, видит основную свою функцию и главное предназначение именно в том, чтобы пожирать конкурентов и возможных соперников как внутри государства, так и в масштабе международном.

Инициатор и хозяин современного западного блока ищет не союзников, а вассалов и покорных слуг. Он требует не солидарности, но абсолютного повиновения, и все его «доктрины» и «планы» направлены к двуединой цели: экономическому порабощению и политическому подчинению.

Это — типичная иллюстрация к басне Крылова о котле и глиняном горшке: между ними тоже, ведь, возникла полнейшая «солидарность», но стоило им вместе отправиться в путь «по тряской мостовой», — и от более хрупкой из высоких договаривавшихся сторон остались одни черепки. А ведь дорога нынешним новоявленным союзникам предстоит такая «тряская», что хуже и быть не может...

Реакция, возглавляемая Ванденбергами, Дьюи, Тафтами, конечно, поставлена в несравненно менее выгодные условия борьбы, чем та, которая возглавлялась Меттернихом. Удельный вес рабочего класса в современном мире совершенно несоизмерим с былым значением «четвертого сословия», как принято было называть рабочих в начале и середине минувшего века. Это—во-первых. Во-вторых, за столетие с четвертью накопился исторический опыт, который учтен лагерем социального прогресса. И это, к величайшей досаде нынешних Меттернихов, крайне затрудняет их подготовительные движения и свободу рук.

В американской прессе уже несколько раз с курьезнейшей настойчивостью предупреждали читателей, что если кто будет им говорить, будто западный блок — это то же самое, что и Священный союз,—так чтобы они не верили. Видимо, есть такие американцы, которые умеют при случае проводить некоторые исторические параллели...

Но ни монархам, ни президентам, ни биржевым воротилам, ни фельдмаршалам не удается остановить историю. Неоспоримо одно: «западный блок» провалится несравненно быстрее, чем провалился, в конечном счете, Священный союз.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам. | Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01715